

СУХЕЙЛЬ ФАРАХ

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

**РУССКИЙ
И
АРАБО-
ЛЕВАНТИЙСКИЙ
МЕНТАЛИТЕТЫ**

Министерство образования Российской Федерации
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Исторический Факультет
Институт стратегических исследований
Центр по изучению проблем мира и разрешения конфликтов
Ливано-Российский дом
Нижегородское отделение
Императорского Православного палестинского общества

Сухейль Фарах

**РУССКИЙ И АРАБО-ЛЕВАНТИЙСКИЙ
МЕНТАЛИТЕТЫ
(КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ)**

Издание 2-е, дополнение

Монография

Научный редактор

д.и.н.проф. А.А. Корнилов

Перевод с арабского языка

В.А. Волосатова

Издательство Нижегородского госуниверситета Им. Н.И. Лобачевского
Н. Новгород, 2001

*Моему сыну
Адриену
Наследнику двух
великих культур,
Посвящаю*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
--------------------------	----------

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОСОБЕННОСТИ ДВУХ КУЛЬТУР

ПЕРВАЯ ГЛАВА. ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	10
--	-----------

- Географическое пространство и природа русского человека 13
- Отрицательные характеристики пространства 19
- Православие 24
- Соборность 30

ВТОРАЯ ГЛАВА. ЛЕВАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: САМОБЫТНОСТЬ И СУДЬБА	37
---	-----------

- Место и вехи жизни ливанца 38
- Финикийское или ханаанское измерение 44
- Римско-византийское измерение 46
- Мусульманское измерение 48
- Маронитское измерение 52
- Фактор материальной культуры 53
- Уверуем в философию различия 54

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ РУССКОЕ И ЛЕВАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ

ПЕРВАЯ ГЛАВА. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И БОРЬБА ЗА САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ ЛИЧНОСТИ	58
---	-----------

- Русское православие и современность 58

• Проблематика самобытности культуры	61
ВТОРАЯ ГЛАВА. ОБРАЗ ИЕРУСАЛИМА В РУССКОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ.....	69
• Иерусалим. Значение и символ	69
• Вифлеем в воображении паломников	72
• Иерусалим в русской иконе	76
• Иерусалим в религиозных обрядах.....	79
• Новый Иерусалим в окрестностях Москвы	82
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. РОССИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ВОСТОКА.....	86
• Политическая проблематика конференции	87
• Вопросы культуры.....	92
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. РЕЛИГИОЗНОЕ И СВЕТСКОЕ В ЛЕВАНТИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	97
• Арабы Леванта и современность	97
• Для чего нужна наука религий?	99
• Опасность разобщенности и политизации.....	105
• Взаимоотношения религиозного и светского сознания	107
ПЯТАЯ ГЛАВА. СООТНОШЕНИЕ МИРЯНИНА И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ: ОПЫТ ПРАВОСЛАВИЯ ЛЕВАНТИЙСКОГО ВОСТОКА.....	114
• Православие и философия свободы	114
• Церковь между религией и государством.....	117
• Принципы отношений между мирянами и клиром.....	119

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НА ПУТИ СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ КУЛЬТУР

ПЕРВАЯ ГЛАВА. РУССКИЙ И ВОСТОЧНО-АРАБСКИЙ

МЕНТАЛИТЕТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	125
• Понятие менталитета	125
• Понятие русского и восточно-арабского менталитетов	126
• Место	128
• Вселенская триада	132
• Диалектика разума и сердца	139
ВТОРАЯ ГЛАВА. РОССИЯ И АРАБСКИЙ ВОСТОК:	
ВСТРЕЧА ДВУХ КУЛЬТУР	142
• Мир искусства и культурологии	142
• Ливано-Российский дом и эстетика взаимовлияния культур	150
Православно- Мусульманский диалог: препятствия и надежды.....	154
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Русский и Арабо-Левантийский менталитеты (культура и религия) – таково название книги, которую автор готовил много лет, движимый желанием рассказать о дружественном общении двух цивилизаций. Его научные работы и статьи подчинены одной цели – раскрытию сокровищниц культуры и духа русской цивилизации и цивилизации арабо-левантийской. Он пытался выявить то неизменное и то меняющееся, что определяет мысли и поведение русского и левантийца – их отношение к природе и космосу, сущности бога, назначению человека, а также понять, почему и тот и другой в отдельные периоды своей истории утрачивали пассионарность и замыкались в себе.

Поскольку эта книга – культурно-религиозный подход к духу двух цивилизаций, естественно что автор останавливается на самой ярко жемчужине короны русской культуры – православии, которое тщательно оберегает себя от чуждых религиозных и иных влияний и попыток власти включить его в мирские дела и политические интриги.

Чувствуя себя одной из опор соборности русского духа, церковь в России серьезно озабочена проблемой единства российского государства. Эти заботы не мешают ей крепить связи с единоверными церквями за рубежом, и между нею и Антиохийской церковью неизменно существовали отношения взаимной приязни и уважения. Этот медовый месяц длится без конца. Православные России видят в таких левантийских духовных вождях, как

митрополиты Сирин, Макариос, Илья Карам и Жорж Ходр, своих святых. Левантийское же православие в отношении к России никогда не подвергалось влиянию перемен в ее общественном устройстве. Россия для левантийца – старшая сестра, обладающая бесценным кладезем духовности, творческой изобретательности и образованности. Это – страна, которая в конце девятнадцатого – начале двадцатого века основала в Леванте 102 школы, выпускниками которых стали тысячи левантийских арабов. Это – страна, которая в советский период подготовила тысячи врачей, инженеров, техников и преподавателей высших учебных заведений. Это – государство, которое не жалело сил для защиты справедливого дела арабских народов.

В силу своего международного призвания Россия открывала для всякого, кто искренне стремился ее познать, широту своей души и кладезь своих возможностей, не ограниченных никакими соображениями прагматизма или культурного гегемонизма. В культурно-религиозной памяти России живы образы левантийских святых. Несмотря на внутренние трудности, она непременно вернется к укреплению мостов, которые связывали ее с политическими и религиозными структурами Леванта.

Православные же арабы, пребывая среди великого арабомусульманского большинства, органически ощущают свою принадлежность к Леванту, с которым их связывают глубокие исторические корни. В то же время, при виде насилия, творимого преобладающими структурами и фундаменталистами, они делают выбор в пользу светских и общепатриотических ценностей. Как и

другие религиозные общины православные стремятся к развитию диалога, который укрепил бы их в роли носителей особой духовности и культуры, и представляют собой наиболее умеренную силу в регионе. Патриотические настроения и занятость внутренним диалогом не ведут их к забвению уз духовно-культурного единения с российскими братьями, православными и неправославными, и они напряженно трудятся в самых различных областях над возрождением исторических межхристианских связей и всестороннего общения, согревающего сердца его участников.

Между православной Россией и православными арабами – тысячи нитей взаимной приязни, дружбы и воли к общению. И может быть, эта книга, как и деятельность ливанско-арабского дома, помогут слиться в теплом объятии ливанскому кедр и русской березке, левантийцу и русскому, устремляемым волею Сердца и силою ума к теплому и дружественному общению.

Не могу не высказать в заключение слов благодарности переводчику Владимиру Волосатову, который, тонко чувствуя оба языка, умеет извлечь из них общий духовно-эстетический смысл, и хочу самым искренним образом поблагодарить академика Олега Колобова и профессора Александра Нилова, подсказавших мысль представить эту книгу вниманию русского читателя, которого я люблю и уважаю.

*Москва - Нижний Новгород
сентябрь 2001 года*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОСОБЕННОСТИ ДВУХ КУЛЬТУР

ПЕРВАЯ ГЛАВА. ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Разговор о духе той или иной цивилизации требует, само собой разумеется, разнообразных научных подходов – философских, психологических, языковых, экономических, религиозных, вообще социо-культурных. Также для того, чтобы рассмотреть эту тему с такой широтой, следует погрузиться в нее, всесторонне ее рассматривая, а не исследуя эту проблему с частной, прикладной, избирательной точки зрения. Иными словами, эту проблему следует рассматривать через призму основополагающих великих параметров, которые и определяют менталитет и духовную жизнь того или иного народа, не расчленяя ни одного из этих параметров и, таким образом, не подчиняя его эмпирическому или прикладному методам, в которых осуществляется переход от частного к общему, где присутствует стремление к анализу, а затем – к воссоединению деталей и частей, в результате чего достигается общий гармонический образ. В данном случае, исследование идет как раз в обратном направлении, от структурной общности, отличающейся известной стабильностью, которая придает той или иной нации определенную окраску в течение продолжительного периода, не подвергаясь скорым и непосредственным влияниям переменчивых событий, превратностям политической жизни и даже экономики.

По мере расширения пространства анализа духа русской цивилизации, исследователь погружается в пучину трудноразрешимых вопросов и сложных подходов. По этой причине

в настоящей статье мы ограничимся рассмотрением лишь наиболее важных черт, присущих России.

В нашей методологии рассмотрения особенностей России мы станем исходить из такого свойства, которое специалисты в области социологии цивилизаций именуют формообразующей точкой (Model Point), то есть из того свойства, которое с высокой степенью широты или узости запечатлевает прочие признаки данной цивилизации. В предложенных рамках мы остановимся на рассмотрении философии пространства, времени и веры российской цивилизации.

Российская цивилизация представляет собой совокупность духовных и материальных ценностей, произведенных русским народом, на основе которых он определяет свою историческую судьбу и формирует свое этническое сознание. Духовная сторона этой цивилизации сформировалась тысячу с небольшим лет тому назад, черпая из ряда основополагающих источников, среди которых основными являются особенности пространства или географии, православие с его Божественной природой, искусством и духовностью, литература, музыка, танцевальное искусство, в особенности, балет, наука со всеми ее отраслями, философские направления, идея великодержавности и дух соборности и единения.

Первым из ученых, указавшим на значение этой цивилизации, был историк Данилевский. Он стал подчеркивать особенности русской цивилизации и ее важность для цивилизации общемировой. Косвенным образом Данилевский пытался дать ответ европоцентристскому подходу, согласно которому детство человечества началось в цивилизациях Востока - на Ближнем

Востоке, в Индии и Китае, затем продолжилось в греко-римской цивилизации, а полная зрелость наступила в цивилизации Западной Европы. В соответствии с этим положением, весь мир стал вращаться вокруг оси этой цивилизации. Данилевский же показал, что цивилизация не развивалась по какой-то одной очевидно ясной линии, но сложилась из разнообразных цивилизационных типов. Дело в том, что регрессивные тенденции развиваются в рамках каждой цивилизации, когда она, на некоем этапе, начинает интересоваться своим собственным духовным наследием. В результате этого такая цивилизация замыкается сама в себе, укрепляет свою собственную идентичность и начинает руководствоваться своими собственными критериями и ценностями, которые и определяют характер взаимодействия этой цивилизации с самой собой и с другими цивилизациями. Таким образом, цивилизация, как ее определяет Данилевский, - это некие основополагающие усилия, направленные на организацию некоего человеческого сообщества в определенных пространственных и временных условиях, в которых отражаются духовные особенности национального характера народов, заключающий в себе исконный культурно-исторический тип.

Равным образом, всякая цивилизация заключает в себе некую разновидность коллективной духовной общности.

Таким образом, нам следует согласиться с русским философом, сделав из его рассуждений вывод о том, что всякая цивилизация имеет особый материальный и духовный характер, посредством которого определяется действие механизма ее особых законов и

критериев. И русская цивилизация в ходе формирования, развития и кристаллизации своей личности стремилась к тому, чтобы отличаться и от западной цивилизации, и от прочих восточных цивилизаций подходом своим к человеку, природе, обществу и душе. Именно это мы видим через призму отношения между природой и русским человеком, через призму того, что сплела его народная смекалка и что выработала его идейная и политическая элита.

Географическое пространство и природа русского человека

Огромная территория России выработала у ее народа много положительных и отрицательных черт. Простор русских земель и широта русской души способствовали тому, что энергия русского человека породила небывалое стремление к территориальному расширению, к экспансии. Такое территориальное движение требует небывалых усилий и активности в деле выработки культурных и материальных ценностей. Русский дух, растекшийся по огромной территории, всегда испытывал потребность в подчинении и жертвенности. И это в течение долгого времени помогало ему сохранять русского человека и даровать ему своеобразное чувство успокоения. Русский человек чувствовал, что он со всех сторон окружен огромным, обширнейшим пространством. Он не страшился чужеземного проникновения во внутренние пределы России, ибо огромность, широта и глубина Русской земли всегда призывали русского человека охранять и спасать ее. В свою очередь, и сам он

всегда опирается на свою землю, свою мать – сыру землю, всегда смешивает и взаимозаменяет понятия "мать - земля" и "мать - Святая Русь". Русская природа господствовала над русским человеком в течение долгих веков, а совсем не русский человек владел ею.

Слова, формирующие русское языковое сознание, теснейшим образом связаны с понятиями земли и природы. Так, в русском языке слово "Родина", то есть Отечество, происходит от корня "род", который, в свою очередь, порождает такие слова, как родной, родник, природа, народ и порода. Все эти слова как бы вращаются вокруг одной и той же оси - отношения человека к природе, того отношения, которое подразумевает и теплое, тесное соединение с Русской Землей. Земля же - это основа географического пространства, для русского человека - это всегда родная земля, земля, где осуществляется жатва.

Равным образом, слово "свет" связано со словом "цветок" и с выражением "цвет цветов". Так, цветовая гармония икон великого русского живописца Андрея Рублева, где преобладает голубой цвет, озаряющий лики его пресветлых образов, является символом Света Небесного, что отбрасывает отблески сияния своего на лики праведников. Например, на знаменитой его иконе Троицы Ветхозаветной голубой цвет не сух, но это небесный голубой цвет, которой в принципе придает ликам икон живописца светящийся характер, отражающий небесную чистоту.

Рассмотрим еще один русский корень - "рож". От него происходят такие слова, как "урожай" и "рождение", что, в свою очередь, связано с Творением Земли. Рассмотрим же внимательнее

эту группу слов, ибо они весьма многочисленны, дабы прояснить прочность связи в русском языке между природой и человеком.

Для русского сознания природа имеет обширную связь со многими явлениями, окружающими человека. Рассмотрим же некоторые из них. Итак, природа для русского человека ассоциируется со свободой, простором, волей. В русской речи часто слышится: "гулять на воле" или же "выйти на волю". Свобода для русского человека всегда безгранична; это свобода, доходящая до земных горизонтов. В то же время, чувство подавленности связано с понятием узости, ограниченности пространства, которое не дает человеку развернуться. Причинить человеку неудобство - значит лишит его просторов.

Воля - это пространство, обширный простор, где можно спокойно ходить до усталости, отдаваться долгим расстояниям, погружаться в великие реки и озера, вдыхая воздух свободы, воздух открытых пространств, наполнять им легкие, ощущать, что над головой – бесконечно широкое и глубокое небо, возможность двигаться в любом направлении и так, как пожелаешь.

Равным образом, и понятие храбрости для русского человека связано с дерзостью, отвагой, бесстрашием. Как отмечает русский академик Лихачев, – это удвоение расстояния или пространства для явления этой самой храбрости; невозможно обладать чертами отваги и дерзости, если сидишь на месте¹.

Такое отношение затрагивает многие другие жизненные явления, которые приводят в движение закономерности поведения

русского человека, находясь в теснейшей связи с окружающей его природой. В России дома, деревни и города выглядят маленькими на огромном географическом пространстве, заполненном лесами и снегами. Эта особенность пространства оказала воздействие на песни, стихи и прочие литературные произведения русского человека, на то, каким образом он выбирает места для возведения своих храмов, на его жилище, одежду, еду и питье, на то, как определяются им границы благоденствия и слабости, на многие его обряды и обычаи.

Понятное дело, что мы не можем подробно рассмотреть все это, однако очевидно, что именно природа, которой живет и пользуется этот народ, оставила на нем свой явственный отпечаток.

Образ "доброго" народа и "доброго" царя всегда присутствовали в русском сознании. В народной литературе, на которой русские всегда воспитывали своих детей, проявляется явственная склонность к любимому образу Иванушки, часто оказывающимся сидящим на ступеньках царского дворца и ухитряющимся, благодаря своей доброте и чуткости, завладеть даже сердцем царевны, а вместе с ним - и половиной царства. Вместе с тем, эта половина царства, которой Иванушка овладевает в народной сказке, символическая, она не подразумевает ни заключения реального брака, ни обладания конкретной собственностью. Образ Иванушки в русском народном сознании представляет собой сильный источник радости, простоты и доходящей до наивности и кротости доброты, в то время как в высших классах русского общества этот

¹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., Советская Россия, 1984, с. 10.

образ вызывал ненависть и раздражение. Подобное отношение определялось не только презрением высших слоев, но и тем, что в сказках выражено отрицательное отношение к дворянам и духовенству. И несмотря на то, что царь считал себя стоящим надо всеми и пытался показать себя государем, любимым всеми слоям народа, однако в то же время прекрасно понимал, что не может затронуть струн простонародных сердец, если не сумеет показать своей глубинной связи с образом добродетельного, "обиженного" Иванушки, способного покорить сердца придворных и завоевать царевну. С точки зрения русского народного сознания, когда потрясается коренная связь с этим образом, то пробуждается Иванушка, чтобы обойти всю Россию, разговаривая не только с людьми, но также с животными и птицами. И тогда этот призрачный образ пытается распространить призыв к неповиновению царской власти, подбивает людей к непокорности и призывает их не отступаться от своей доброты, от своей великой любви в Родине и Матери-Земле, чтобы приблизиться к доброй, благостной природе, представляющей собою основное духовное хранилище чистоты сердец и душ, указывая людям на то, что им следует держаться подальше от духа обмана, лжи, мерзости, подлого хитроумия, низкопоклонства, слепой покорности, но стремиться приблизиться к сердцевине чистой жизни, к той пречистой длани, что наполнена добродетелями любви к земле и к Родине, стремлением жить в соответствии с ценностями труда и спокойной деловитости.

В такой атмосфере развивается почва, благоприятная для появления святых, прославляются такие качества, как доброта и

способность отдавать, не принимая в расчет узкие индивидуалистические интересы. Постепенно человек приучается переносить страдания, к долготерпению, проявлять спокойствие и покорность, сопровождаемые молитвой, которая и занимает большую часть времени. В то же время, воспрянув после долгого ожидания, русский человек становится похож на Мишку-медведя из оперы Римского-Корсакова "Сказание о невидимом граде Китеже". В этой опере толпа, обращаясь к Мишке, говорит: "Эй, Мишка-добряк, покажи-ка нам твою удаль молодецкую". Воспрянув, Мишка до основания потрясает и то, что его окружает, и весь мир, расправляясь своей беспримерной силой не только с правителями своего народа, но и с врагами своими во всем мире. В конце же Мишка оправдывает свои деяния тем, что терпение не безгранично и что земля его, Отечество и верования - это святая святынь.

В русском народном сознании доброта не является следствием наивности, но оба этих качества сливаются в такой черте, как чистая, бесхитростная человеческая сообразительность. И если русский человек близок своей географическо-пространственной природе и своей природе душевной, то он проявляет и мудрость свою, и присущие ему экзистенциальные истины. Истинная сущность русского человека проявляется не в том, чтобы лгать, чтобы обманывать себя самого и других, но в том, чтобы изобретать и оживлять все полезное, конструктивное в душе человеческой. Как раз это и проявляется в гармоничности его музыки, в философии его телесного танца, в красоте его литературы, в широте его научных познаний, в его величайших авантюристических предприятиях,

направленных на завоевание природы и космоса, равным образом как и построения своего великого государства.

Отрицательные характеристики пространства

Обширнейшие параметры географического пространства заставили русского человека построить великое государство, ибо на просторных российских равнинах соединение Востока и Запада под сенью одного государства было необходимостью.

Возможно, что само по себе обретение русским народом такой огромной территории на лике Ойкумены не было таким уж сложным делом, однако далеко непросто было сделать его стабильным и безопасным в условиях мира, где существовали различные силовые полюса и государства. Во имя того, чтобы достичь необходимой степени благополучия и стабильности русский народ приложил поистине нечеловеческие усилия, однако и до сего дня не достиг своей цели.

Пространства Русского государства поставили перед русским народом величайшие задачи, значительно превышавшие его возможности. Он постоянно находился в состоянии напряжения, которое порой превосходило всякие пределы. В этой гигантской работе по строительству своего государства, в процессе защиты и охранения этого государства, русский народ истощил значительную долю своих сил. Внутренние и внешние потребности государства, его бесплодное соревнование с Западом и Востоком оставляли самому этому государству и его народу весьма узкое пространство для

свободного развития. В результате этого русские на многих этапах своего развития теряли уверенность в своих силах. В этой связи русский мыслитель Николай Бердяев отмечает, что на русский дух давит эта устрашающая широта территории, это обилие снегов; и русский дух тонет в этой огромной безбрежности; обстоятельство это, полагает Н. Бердяев, оказало негативное воздействие на формирование этого духа, на воспитание творческого начала у русского человека; по мнению Н. Бердяева, гениальная форма и упорядоченность не являются русской чертой, ибо эти качества с трудом соответствуют доминированию пространства, давящего на дух; в большинстве своем, русские на ощущают радости от формы и упорядоченности².

Как утверждают российские западники, бескрайнее российское географическое пространство всей своей тяжестью навалилось на душу народа. Как они полагают, русская душа испорчена широтой – она не знает меры. Это обстоятельство не помогло ей освободиться, но лишь способствовало самопорабощению. По этой причине духовная энергия русского народа обратилась во внутрь, к созерцательности, к духовности, не сумев приспособиться к исторической действительности. Русская душа всегда была занята формированием себя самой путем весьма ограниченным. Великое географическое пространство, как полагает Н. Бердяев, отражается во внутренней стороне русского духа и навязывает ему свою огромную силу; русский человек – это человек земли и природы, который внутренне ощущает, что он не в состоянии овладеть этим

² Бердяев Н. Судьба России. М. Советский писатель, 1990, с. 65.

пространством и организовать его. По этой причине он постоянно возвращается к своей исконной привычке опираться на централизованное государство для организации того, что его окружает, и возносить основы государственной жизни на самые высшие ступени. Приверженность русского человека своему великому государству соответствует устрашающему тяготению его личности к такой структуре, которая служит насущным государственным интересам и в то же время давит на индивидуальные интересы, свободу и общественные силы русского человека.

Таким образом, мы видим, что Бердяев и его сторонники подпали под влияние персоналистической и экзистенциалистской западной философии. Он не верил в то, что Россия пережила свой собственный период гуманизма или индивидуализма, но растворилась в духе соборности, сливающейся с обширностью территорий и всеилием государства. Бердяев рассматривает географическое величие России как внутренний, духовный фактор русской судьбы, который обозначается им как "география русского духа"³.

В Западной Европе человек чувствует на себе давление ограниченного пространства, узости просторов. По этой причине горизонты его духа и души ограничены. Таким образом, западный человек приводит в действие свои энергию и активность. В душе его – ограниченное пространство. Все точно рассчитано и распределено. Искренняя приверженность порядку, согласно которому все должно

быть на своем месте, порождает ограниченность западного человека.

Такой способ мышления и поведения не вызвал удовлетворения даже у большинства российских западников, таких как Герцен и Леонтьев. Приведем несколько примеров этому. Возьмем за образец немца. Он чувствует постоянную опасность со всех сторон, словно, как говорил Герцен, "на него повсюду расставлены ловушки" и "вне его и внутри нет простора". Подобное же утверждает и Леонтьев - немец ищет спасения внутри себя, в своих внутренних упорядоченных силах, в своей активности, в своей постоянной напряженности. У немца все должно быть на своем месте, все имеет свою функцию. Таким образом, как отмечает Бердяев во многих своих статьях, без самоорганизации, без осознания своей ответственности для немца нет жизни. Ведь немец постоянно устанавливает границы вещей и не может жить без таких границ. Он не находит себе спасения в Германии, но он видит свою цель в том, чтобы спасти Германию. В то же время русский чувствует, что Россия - это источник его спасения, но не сам он является основой спасения своего Отечества. Русский не проявляет инициативы для устройства своей жизни, но обращается к другим для того, чтобы они устроили его дела. Зачастую душа русского человека успокаивается оттого, что за спиной его – обширное географическое пространство, благодаря чему он и обретает избавление. По этой причине русский человек не ощущает глубокого страха; он не привык экономить свои силы и энергию. Проблема активизации и стимулирования развития материальной и духовной культуры,

³ Там же, с. 67.

опирающейся на активную, самодостаточную личность, не является для русского человека жизненно важной и судьбоносной, ибо он погружен в глубины своего собственного естества, в глубины своего бескрайнего географического пространства.

Мы остановились на некоторых подробностях природно-географической и человеческой проблемы России, ибо мы убеждены в том, что географическая среда обретает свою собственную философию, если посмотреть на нее сквозь призму отношения ее к человеку. Как сказал Реклюс, "не существует ничего, кроме истории, развертывающейся через пространство, равным образом как и история представляет собой географию, развернувшейся во времени"⁴.

Точка зрения, которую мы представили выше, является господствующей в идейных построениях западников и славянофилов касательно природы русского человека.

Теперь мы перейдем к теме России как страны великих контрастов и противоречий, страной великих достижений и тяжелых поражений. Великие российские мечтания питаются, с одной стороны, великий духовной сокровищницей, созданной научным, светским умом России, а с другой стороны, – ее православной духовностью, представляющей собой одну из главнейших основ России.

⁴ Reclus Elisee. L'Homme et la Terre. Paris, 1905, p. 4.

Православие

Духовное измерение русской культурной личности было выражено одним из виднейших иерархов Русской Православной Церкви митрополитом Ювением, который сказал: "Чтобы понять сущность духовного искусства, русской цивилизации, недостаточно изучать достижения ее ученых и философов, ибо необходимо постичь духовный климат, в котором живет народ. Благодаря православному христианству сформировались новые формы русской культуры, подарившие России новые разнообразные общественные и культурные силы, воплотившиеся в идеалах милосердия, благотворительности и утешения. Русская Церковь до сих пор являет собой великую нравственную силу..."⁵.

Действительно, непросто понять дух русской цивилизации без постижения сущности Православия. Православие унаследовало русскую дохристианскую систему нравственности и метафизики, сумело впоследствии отшлифовать ее, придать ей иное измерение, расширило пространство Священного в русском религиозном сознании. Таким образом, Православие оказалось для русских людей связанным с любовью к ценностям добра. В этой связи следует подчеркнуть, что в целом русские люди смотрят на человека как на инстинктивно доброе существо, полагая зло всего лишь отклонением от нормы. Если прочитать большинство произведений русской литературы, начиная от "Слова о полку Игореве" XII в., далее -

⁵ См.: Русская Православная Церковь до и после Тысячелетнего Юбилея. М. Издательство АПН, 1989 (на арабском языке), с. 11.

сочинения Толстого, Чехова и Щедрина, и, наконец, - произведения современных писателей, таких как Распутин и Бондарев, то безусловно в них будет обнаружена доминирующая идея о том, что человеческое совершенство воплощается в человеческом духе, который является сердцевинной доброй.

Далее, пространство православного влияния охватило и русское воззрение на Отечество, правителя и народ. По мере развития русской истории влияние это слилось с духом русского патриотизма. Так, после заката звезды Второго Рима, воплощенного в Византии, Россия ощутила себя избранной осуществлять роль Третьего Рима. Взоры христиан стали обращать к русскому царю, воспринимавшемуся как естественный преемник византийского императора. В таких условиях Православная Церковь стала стремиться к тому, чтобы сделать царя защитником православных как в своем собственном государстве, так и во всем мире. Черты эти стали явственно проступать, когда Иван III женился на Софии Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Это произошло с благословения Митрополита Московского. В то время в умах правителей и рядовых православных стала утверждаться идея о том, что величие государства должно соответствовать величии Православия. Духовный и политический подъем стал расширять сферу своего влияния, охватывая как народы самой России, так и ее соседей. В то время Россия ощутила себя готовой осуществить вселенскую миссию, в рамках которой она постаралась соединить неким образом светско-государственное с духовно-православным. Подобное слияние одного и другого имелось и в государственно-

церковной практике Византии, что указывает на источник этих российских построений. В этой связи необходимо отметить хорошо известную позицию византийского императора Иоанна Назнимасакиса, который совершенно определенно указывал на гармоническое соединение духовной и светской власти, говоря: "Я признаю две власти - власть духовенства и власть императора. Творец всего сущего поручил первой заботу о душах, а второй - наблюдение за телами людей. Для того, чтобы мир был цветущим, ни одна из этих властей не должна обретать тиранический характер"⁶.

Эта гармония силы царской власти и православного подъема заметно способствовала возрастанию материальной и моральной силы России. И как происходит в вечной человеческой борьбе за влияние и власть, это усиление происходило за счет других народов, которые не исповедовали Православия.

К концу XVIII в. Россия сумела христианизировать и объединить под властью Московского царя многие земли и народы, чему значительно и явственно способствовала Церковь. Таким образом, русский джинн сумел выйти из своего кувшина обновленным, соединив под сенью своей идеологии византийское наследие с новым русским духом. Эти идеологические построения опирались на три принципа, которые в прошлом веке были определены русским мыслителем Константином Леонтьевым следующим образом: первый принцип – это византийское

⁶ Речение это приводится Тимофеем Дайром в его книге "Православная Церковь в прошлом и настоящем (на арабском языке). Издательство ан-Нур, 1982, с. 57; сам автор почерпнул ее из журнала "Византийские исследования", Лондон, 1955, с. 52.

государство, под которым подразумевалось самодержавие; второй принцип – это религия, под которой подразумевалось Православное Христианство; третий принцип – это мирская мораль; касательно этого третьего принципа русская нравственная философия пыталась отойти от византийских теоретических построений, которые не придавали человеческому индивиду необходимого значения в мирской жизни, ибо византийское воззрение было исполнено великим разочарованием в земной жизни, в счастье, в возможности построения царствия земного; в этой связи русская нравственная философия стремилась соединить немецкую и византийскую точки зрения⁷.

Под знаменем этих трех принципов Россия вела войны. При разработке военной доктрины для вооруженных сил учитывалась необходимость укрепления и тела, и духа. В России войны воспитывались не в духе жадности приобретений, добычи и романтического упоения победами, но к ним обращался священный призыв оказать поддержку в великой державе, опирающейся на возвышенные религиозные идеи. Благодаря этому обстоятельству русская воинская литература уяснила идею Святой Руси, и эта идея сообщала русскому воинству определенное внутреннее успокоение. Когда войско двигалось на обширное завоевание неких новых земель и народов, то царь в согласии с патриархом считал всякое завоевание некой новой страны вхождением ее в пространство русской чистоты, а затем - спокойным существованием под крылами Третьего Рима.

Идея отождествления Третьего Рима со Святой Русью занимало

⁷ Леонтев К. Византизм и славянство. М., 1986, с. 11.

ведущее положение в рассуждениях русских религиозных и светских мыслителей XVI и XVII в. Слияние этих идей имело источником стремление объединения "истинного" светского бытия с "пречистой" святостью не только в самой России, но и на вселенском уровне. Однако благостные вселенские мечтания – это одно, а человеческая действительность – это совсем другое. Такие устремления нашли поддержку в ограниченных географических рамках, то есть, в России, под сенью определенной власти – царской, а конкретное нравственное сочувствие – со стороны мировой православной общины. Подобные рассуждения не были глубоко укоренены среди массы русского народа, равным образом как и взаимоотношения Церкви и царской власти не всегда переживали свой медовый месяц. Православная Церковь надзидала за двумя третями Российских земель в XVI и XVII вв., однако когда к власти пришел Петр Великий, ее влияние стало уменьшаться. Дело в том, что с самого начала своего правления император упразднил пост патриарха и организовал Святейший Синод, которым руководил какой-либо крупный чиновник из числа придворных. Такая система просуществовала до самой октябрьской революции 1917 г. Взаимоотношения императора с Церковью были не лучше, нежели взаимоотношения между генсеком коммунистической партии и Православием при советской власти. Все это сильно повлияло на то место, которое Православие занимает в общей духовной структуре русской цивилизации. По этой причине по Православию порой наносились удары, а порой оно занимало господствующее положение. Внутри Православия наступали периоды духовного

подъема и перемен, вменявшиеся временами оцепенения. Все это сообщило ему своеобразный духовный и мирской опыт.

В этой связи остановимся на одном из моментов, а именно на позиции Православия касательно проблемы отделения религии от государства и предоставления широкой стези верующим, но светским деятелям, обретшим полную свободу политического выбора. Вот, например, крупнейший православный философ XX в. Николай Бердяев отмечает, что он борется против всякой православности, которая пытается ограничить его свободу или пытается подавить ее, будь то свобода светская или религиозная⁸.

Другой русский православный мыслитель Сергей Булгаков проводит четкое различие между православностью и партийно-политической принадлежностью. Он читает, что православные могут следовать различным политическим идеям; эта проблема связана с их политической совестью и их личной мудростью; Православие свободно и не обязано служить тому или иному политическому строю; оно обладает своими собственными религиозными аполитичными идеями, которое направлены на растворение власти в атмосфере церковности; идеи Церкви не поднимают знамени меча и щита, равным образом как и ни знамени теократического церковного государства, образцом которого является папство; в силу этого мы и понимаем то обстоятельство, что Православие не настаивает на том, чтобы считаться католическим; это и не папизм, и не цезаризм⁹.

⁸ Пересказано по арабскому изданию: Бердяев Н. Мечта и действительность. Перевод Фуада Камила. Каир. Ал-Хайа ал-мисрийа лил-ки-таб, 1984, с. 64.

⁹ Булгаков С. Православие. М., Терра, 1991, с. 241-242.

Из слов С. Булгакова, сочинения которого считаются важным источником светского и богословского знания и одним из главнейших идейных основ современного русского православия, следует что Русская Православная Церковь должна соблюдать четкую дистанцию относительно всех политических сил, равным образом как и относительно всех политических изменений, которые Россия пережила и переживает.

Эта позиция была подтверждена собранием ста пятидесяти иерархов, среди которых были крупнейшие российские церковные деятели, произошедшего 1 февраля 1997 г.; это собрание представляло всех православных верующих в России и в Диаспоре. Собрание приняло исторический документ, касающийся взаимоотношений между Церковью и властью. Документ этот призывает к тому, чтобы занимать единую, непредвзятую позицию относительно всех сил, противостоящих на современной российской политической арене, к достижению согласия с ними, дабы церковь имела возможность играть заметную роль в воспитании школьников и военнослужащих, а также более активно принимать участие в борьбе против преступности, наркомании и всех форм нравственных извращений.

Кратко говоря, Православие в его русском варианте устремилось к тому, чтобы иметь философское обоснование соединения любви к Божественному и любви к страждущим.

Соборность

Беседа о духе русской цивилизации связана, в свою очередь, с еще одной особенностью, которая выражена в идее Соборности. Соборность означает дух объединенной общинности. Этот термин был введен выдающимся русским мыслителем и богословом А.С. Хомяковым. Соборность означает, по мнению Хомякова, свободное соединение верующих христиан, которое осуществляется через общее их понимание правды и через их совместный поиск Спасения. Это соединение опирается на их общую любовь к Господу, на философию свободы, поднимающейся до степени святости. Основной принцип русской духовности не выражен во внешней власти, но в духе соборности¹⁰.

Следует отметить, что это понятие является одним из основных для философии славянофильства. Принципу Соборности следовала вся интеллигенция, которая подпала под влияние славянофильской философии. Согласно философии славянофильства, судьба России была и останется связанной с общинностью и что спасение ее осуществится только благодаря единению, концентрирующемуся вокруг великой державы, вокруг духовного стержня. Главным условием достижения такого состояния состоит в том, чтобы русский человек воплощал себя не в духовном единстве, но в единстве, сопряженном с чистотою, совместно с братьями своими по вере, с наиболее искренними из них; дабы он обретал себя в стремлении к совершенству, или, иными словами, находил совершенное в душе своей. Осуществили такое духовное упражнение со своей натурой, русский человек достигнет степени соборного единения, что

¹⁰ Хомяков А. С. Православие, самодержавие, народность. Монреаль, 1992, с. 33.

позволит ему употребить обретенную таким образом энергию ради упрочения связей, которые объединяют великое государство.

Соборность исходит из идеи общего, из идеи того, что является единым в нашем сознании и в логике нашего бытия. Общее же, как определяет его французский психолог Дидье Анзе, – это участие в представлениях, чувствах и волевых порывах¹¹. В этом смысле идея русской соборности охватывает мир русской веры наряду с идеей спасения, которое осуществляется через общинное осознание Божественной святости и через посредство справедливого правителя. Американский философ Стивен Лайруз определяет ее следующим образом: "Идея русской соборности опирается на допущение того, что человек, несмотря на свое одиночество, устремляется вместе со своим сообществом ввысь, к горнему. Такая соборность заключает в себе непрерывное единство, которое сочетается с общинностью на основе принципов свободы и любви"¹².

В связи с этим сторонники славянофильского течения в русской философской мысли утверждают, что Запад, несмотря на свое материальное процветание, не сумел образовать великой державы, подобной России. Для объединения того или иного европейского народа необходимость заставляла местные военные и политические элиты прибегать, прежде всего, к силе. Как отмечает Хомяков, католические страны достигли единения без свободы, в то время как протестантские страны обрели свободу без единства. Русский же человек на протяжении своей долгой истории сумел

¹¹ Anzieu D. Le Group et L'Inconsient. Paris. Bordas, p. 28-28.

¹² См.: Москва, 1997, № 9, с. 147.

претворить великое дело, воплотившееся в гармонию единства и свободы в таких условиях, когда всякий русский ощущал себя заинтересованным в построении сильного государства¹³.

Слияние индивидуального "Я" с сообществом действительно является одной из черт русской личности. Именно поэтому русский человек живет, не имея индивидуалистического духа, который отличает человека европейского. В силу этого обстоятельства русские люди не познали до сих пор индивидуальных прав в либеральном и демократическом значении этого термина. У русских индивидуализм убивает теплое, человеческое соединение одних с другими. Вот почему мы видим, что широкая прослойка европейской интеллигенции, разочаровавшейся в доведенном до крайности эгоистическом индивидуализме, хранит в своих библиотеках сочинение Вальтера Шуберта "Россия и человек Запада". Этот мыслитель отмечает, что на Западе если один человек думает о другом, то исходит только из себя самого. От такого подхода и образуется нарциссическая, высокомерная европейская среда, ненавидящая других. Согласно Шуберту, русский человек в этом отношении качественно отличается от западного. Русский переживает из-за мучений других людей, несчастий всего мира, исходя не из своего "Я", но из "Мы". Вот откуда происходит солидарность с борьбой угнетенных народов и ощущения оказывать им помощь, а также убеждение в том, что избавление человечества произойдет не через индивида, но через единое человеческое сообщество.

¹³ Хомяков А. С. Указ. соч., с. 37.

И действительно, общение с русским человеком сокращает расстояния и уничтожает многие психологические барьеры. Русский дает вам почувствовать человеческое тепло едва вы и он проявите малейшие признаки дружелюбия. В то же время, и это отмечают сами западные мыслители, в том числе и Шуберт, что западный человек, в особенности немец и британец, отделен от вас многими барьерами. Западное культурное пространство, носящее индивидуалистический, рациональный и самодостаточный характер, заставляет своего сочлена концентрироваться на себе самом, скрывая в глубинах души своей все тайны своей личности, не показывая их даже самым близким. Можно сказать, что на Западе философия индивида сводится к принципу человека-индивида, высшего человека, в то время как у русских философия индивида сводится к принципу всеобщности человека. На Западе идея спасения опирается на индивидуальность, в то время как у славянофильской интеллигенции – это идея соборного спасения, восходящая к православной духовности.

Хотя славянофильская интеллигенция и пережила упадок в начале XX в., советская, в том числе и русская, интеллигенция заимствовала у нее эту идею и превратила Соборность в светскую категорию, вдохновлявшую ее в новый исторический период. Посредством по-новому понятой Соборности советская интеллигенция пыталась построить свое собственное царство мира сего, опирающееся на равенство, социализм, принцип коллективного спасения от всех социальных недугов, поражавших Россию. Идея эта была спроектирована при помощи интернационализма. Однако

утопическая преобразовательская мечта интеллигенции о вселенском спасении, державшаяся около века, все же погибла перед лицом внешних и внутренних трудностей, перед лицом борьбы между народами, между различными религиями и разными эгоистическими устремлениями.

Завершая, мы отмечаем, что русский менталитет, осознавший свою силу, преодолевает все препоны для достижения крайних степеней знания. Тогда чувство, совесть и душевные порывы находят явственно значимое место в образе мысли и поведения, обретают широкую перспективу, доходя до степени абсолютного забвения и сбрасывая попечительство уравнивающего разума. Россия разрабатывала стратегию своего развития и следовала своим великим мечтам, исходя из своих огромных географических пространств и своего великого государства. Гениальный дар России творил в сфере искусства и наук, но в то же время испытывал и крупнейшие разочарования. Россия редко следовала аристотелевой мудрости, гласящей: "Счастье людей заключается в том, чтобы избрать срединную философию и быть умеренными в делах своих". Россия всегда была слишком честолюбивой в своих планах и свершениях, и в то же время разрушительной в отношениях сама с собою во времена слабости и распада. Однако великая тайна России заключается в том, что хотя такие периоды упадка и оказываются порой весьма длительными, страна эта все же продолжает оказывать серьезное влияние на европейские и общемировые дела. некоторые полагают, что Россия вошла в период глубокого летаргического сна и что силы ее иссякли, однако страна эта всякий раз выходит, словно

джинн, из своего кувшина, ибо не только равна силой своей сильнейшим из сильных, но и превосходит их во многих отношениях. Словно Россия - это тот самый Мишка, о котором мы говорили в этой статье, в подобающем тому месте.

ВТОРАЯ ГЛАВА. ЛЕВАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: САМОБЫТНОСТЬ И СУДЬБА

Что такое левантиец? Когда вопрос возникает в такой форме, сразу же приходят на ум политический и идеологический аспекты проблемы в ее религиозном, национальном и светском измерениях, а также другие фундаментальные слагаемые личности ливанца и левантийца вообще, то есть антропологические, географические и исторические¹⁴.

Вопрос о сущности и природе левантийца должен быть изучен под углом зрения связи индивида с обществом и культурой, что требует накопления научных данных из области психологии, социологии, антропологии и философии цивилизаций. По мере же расширения гносеологического поля анализа личности левантийца в культурно-историческом аспекте начинаешь чувствовать себя плавающим в бескрайнем море недоумений и гипотез. Данное исследование поэтому есть лишь общий подготовительный подход для уяснения некоторых характерных черт этой личности¹⁵ с учетом

¹⁴ Эта статья не является вкладом в софистическую дискуссию, большая часть которой касалась борьбы конфессии и партий. Ее цель - пролить свет на основные составляющие самобытной личности ливанца, главные переменные и главные составляющие этой личности. Когда идет речь об исследовании личностных характеристик ливанца, необходимо рассматривать этот вопрос в целостном виде, а не выпячивать какой-либо один из его аспектов. Ученые-социологи говорят в этой связи о концепте непрерывности – Model point, что предполагает изучение всех особенностей характера ливанца, независимо от степени их распространенности.

¹⁵ Отсюда происходят многие различия между жителем побережья и жителем сельской

двух главных факторов, формировавших в широком плане и в некоторых частностях характер ливанца и особенности его культуры. Это – география и история Ливана¹⁶.

Средиземное море омывает все побережье Ливана. Неровности горной цепи являются его восточными границами. Полноводная Великая река протекает на Севере. Многочисленные реки и источники разбросаны до самой Рас-Накуры. Эти границы иногда сокращались, иногда расширялись. Они определяли географические пределы деятельности ливанца, удерживая его у себя или под влиянием обстоятельств побуждая к эмиграции. Он уезжал, чтобы вернуться или навсегда остаться на чужбине. Они защищали его от внешних нашествий, и он пересекал их, отправляясь в плавания навстречу торговым и культурным завоеваниям.

Место и вехи жизни ливанца

Особенности места наложили печать на древнюю и новую историю Ливана, манеру одеваться и гастрономические привычки его жителей. Высокие горы, глубокие долины и зияющие пропасти,

местности, отражающиеся на официальном и народном социальном и психическом, историческом и современном уровнях.

¹⁶ Два этих фактора определяют совокупность принципов, которые движут умом ливанца, формируя его отношение к феноменам окружающего мира. Особенности его характера, предполагаемые пространством и сохраняющиеся во времени, предопределяют некоторые социо-психические слагаемые личностного склада: покой и безмятежность, тревогу и невозмутимость, пыл и благородство, пораженчество и подавленность, доверчивость и терпение, энергичность и уверенность в своих силах.

умеренный климат и многообразный цивилизационный опыт ливанцев принесли Ливану в средневековом мире славу страны-убежища¹⁷.

На склонах гор Ливана и среди его ущелий родились набожность ливанцев и смирение перед высшим, Всеполнейшей и Всемогущей Сущностью. На вершинах его гор созидались храмы и святилища в честь богов и мощные крепости для местных владык и для завоевателей. Его деревья, травы и почва почитались за святость и вошли в Тору как песнь ее замечательных песней. Кедр с гордостью отдавал себя в руки созидателей великих храмов, кораблестроителей и зодчих, в руки умельцев, изготавливавших мебель для знати. Винограду его и винам была присуща сакральность в глазах почти всех религий, свет которых, брызнув из его воображения, озарил пределы ойкумены.

География сказалась и на иных чертах характера ливанца, таких как благородство и пылкость, выражающихся в богатейшем языке его танцующего тела, в поэтическом, литературном и общехудожественном воображении, и особенно широко – в заразной страстности его песен.

Оптимистическая настроенность ливанца хорошо проявляла себя в дни мира. Когда же, уходя от внешнего насилия, ему

¹⁷ Эта идея не является исключительной собственностью средне-восточных религиозных и этнических общностей древности. Ее придерживались и воплощали в жизнь и марониты, и друзы, и франки, и шииты-исмаилиты, и курды, и католики римского толка, и армяне, как и многие другие христианские меньшинства. Им удалось сохранить себя, и Ливан как "страна-убежище" помог им сохранить религиозные обычаи и выработать метафизический взгляд на проблемы жизни и смерти.

приходилось скрываться на склонах гор, в глубоких долинах или на пустынных равнинах, ее сменяли негативные эмоции – чувство тоски, замкнутости, пораженчества и отчаяния.

Общение между ливанцами на протяжении истории не было, естественно, столь интенсивным, как в настоящее время.

Это явление уходит корнями в географию. Высокие горы прочно изолировали друг от друга различные районы Ливана. Трудности сообщения между ними мешали общению, сотрудничеству и единению ливанцев.

В каждом из районов были свои ценности, свои объекты культа, свои диалекты, свои виды социальной организации и экономической деятельности. Так сформировались два типа личности: прибрежный и сельский.

В деятельности первого преобладали торговля, обработка металлов, кораблестроение, культура. Его движущими началами были динамизм и неизменное стремление ко всему новому. Мир узнал о Ливане через представителей прибрежного типа, соприкасавшихся со средиземноморскими и иными цивилизациями. Жители побережья прославились энергичностью ведения торговли и высокой культурой. Торговля требует "хитрости" и умения понимать другого, предполагает общение на языковом и культурном, бытовом и религиозном уровнях. Прибрежному типу принадлежит наибольшая заслуга в интернационализации культуры ливанца на ряде исторических этапов.

В занятиях личности второго типа преобладало земледелие. Ее отличали культовый консерватизм, неизменные бытовые привычки,

фольклорный характер культуры и социальная замкнутость.

Личность прибрежного типа не была отрезана от тихой сельской глубинки. И личность сельского типа не пребывала в изоляции от влияния иных культур. Она сберегала новые культурные ценности, которые впитывала в себя личность прибрежного типа, особенно на этапах, когда представители этой последней вынуждены были спасаться бегством от своих воинственных соседей или иностранных захватчиков. Личность прибрежного типа отмечена еще одной важной чертой: она выполняла роль главной линии обороны для жителя побережья, гор и внутренних равнин. Личность сельского типа находила в городах прибежище в дни войны и приют в дни мира, ибо города имели средства защиты, совершенствовавшиеся по мере развития военного дела, и были главными торговыми рынками, центрами развития ремесел и средоточием образованности. И таким образом главное бремя сохранения ливанской этнической общности легло на плечи личности сельского типа.

Личность сельского типа до сих пор сохраняет старые привычки в еде, питье и одежде и элементы народной культуры, тогда как прибрежный тип, пребывающий в городах, предпочитает одеваться "по-западному", потреблять гамбургеры, пить виски и курить сигары, слушать разнообразную западную музыку, а его интеллигентный слой наслаждается эстетическими ценностями западного театра и изобразительного искусства.

Однако, оба типа личности обладают общими знаменателями, проявляющими себя в цивилизованности, практическом складе ума и

широте воображения – мифологического, творческого и делового¹⁸.

И все же привязанность к своей земле и своим корням, и вместе с нею – представление о национальном чувстве, неодинаковы у всех ливанцев. Формы такой привязанности изменяются от одной общины к другой в зависимости от их силы или их слабости. Сам фактор множественности и различия общин на ливанской земле, над которой не было единого централизованного политического управления, не всегда служил источником соперничества и столкновения в борьбе за власть. И все же, как ни процветал наш край, как ни был связан воедино своим местом в пространстве, каким бы умеренным ни был наш политический климат и огромной – наша способность служить другим, на земле Ливана не образовалось общности людей, которых объединяло бы национальное чувство, взвешенное представление о самих себе и энергия разума, нацеленная на использование наших ресурсов. Таково одно из звеньев слабости ливанца как субъекта истории, и такова диалектика борьбы за самосохранение между типами личности, обобщенными в нашем "ливанце", в которой факторам места принадлежит не последняя роль.

Почитание человеком своей истории скрывает великую тайну его привязанности к своей земле и своим корням. Это отношение определяет его сущность и опыт, формирует культурную память.

¹⁸ Юсуф Хаурани говорит: "Это – личность сложного порядка. Если она не преуспела как сила войны и захвата, то преуспела как цивилизационная сила, прославившая себя великими интеллектуальными и гуманистическими достижениями. Ее сущностный источник – разнообразие, сила ее – в столкновении энергий и соединении идей и доктрин для сотрудничества на ее земле, в непрерывном порождении особых новых умеренных идеологий Ливана на исторической вершине" (Бейрут, 1992 г.).

Культурная сущность Ливана, как и другого государства, зависит от отношения его жителей к своей истории.

Любой взгляд на историю складывается из двух борющихся между собой факторов. Один из них – реалистический и объективный, другой – надуманный, мифологический и идеологизированный. И в представлении об истории Ливана сталкиваются между собой, смешиваясь, реалистическое прозрение и "затуманенное" видение, интегрирующее традиции всех общин, которые когда-либо жили на ливанской земле. История Ливана не творилась одной эпохой, одной общиной, одной цивилизацией. Она – плод всех эпох, всех общин и всех культур, которым дали приют его время, его пространство и его люди. Любая попытка устранить одно из слагаемых его исторической сущности, уменьшить его роль, или наоборот, выпятив, придать ему большую важность, выражает субъективистский, "затуманенный" взгляд на историю.

Согласие существует лишь в том, что история Ливана в своем развитии проходит через четыре главных круга – древний, средневековый, новый и новейший. В этой связи нужно привлечь внимание к тому, сколь опасно изучать фрагменты той или иной окружности. За каждым из таких фрагментов или составляющих – горы фактов, рассказывающих об отчуждении или согласии между людьми, их взаимномприятии или взаимном отрицании, о мире или войне между ними¹⁹.

¹⁹ Если путь исследования этих вопросов усеян колючками, минами и труднопреодолимыми препятствиями, выберем иную, менее ухабистую дорогу – объективный подход к делу, помня, что Ливан не является собственностью той или иной

Финикийское или ханаанское измерение

Наша древняя история являет собой первый главный круг. Богатая событиями и охватывающая широкое культурное пространство, она по-прежнему озаряет своим светом наше ощущение принадлежности к древнейшей цивилизованной части мира. Многие из ливанцев все еще находятся в состоянии сильного цивилизационного опьянения, уходящего истоками в коллективное бессознательное. Древнеливанская историческая личность блестяще проявила себя на практическом и интеллектуальном поприщах. И если слово "финикийский" означает по-арабски "могучий", "благородный", "великодушный", ливанцы, все ливанцы вправе дорожить и гордиться этим измерением.

Финикийская цивилизация оставила печать на науке, культуре, торговле, праве и религии, творя будущее не только для Ливана, Сирии и стран Средиземноморья в целом, но и для всего мира. Ливанец со своей бьющей через край энергией устремился из нее к универсальности. Его титанический образ был предметом огромного восхищения для поэтов, философов и ученых. Аристотель считал цивилизацию Восточного Средиземноморья достойным подражания примером развития культуры. Он отмечал простоту нравов его

общности. Какую бы роль ни играла та или иная общность на том или ином этапе, ее усилия входят в ткань исторической памяти не только ее самой, правившей Ливаном какое-то время или участвовавшей в его делах, но и в историческую память всех ливанцев.

жителей, широту их ума, распространенность торговых связей, силу мифологического воображения. И в то же время, описывая "цивилизованные страны", удивлялся бесстрастности и тупости европейских народов того времени²⁰.

В середине и конце бронзового века мир ознакомился с плодами финикийского гения, проявившего свое умение в плавке металлов и изготовлении их сплавов, в частности, бронзы, производстве стекла, в гончарном деле, работах по золоту, серебру и слоновой кости, в ткачестве и производстве красок, изготовлении музыкальных инструментов. Об искусстве финикийских умельцев говорил Гомер, вспоминая попавшее ему в руки серебряное блюдо из Сидона: "В мире нигде не найти столь изящной и тонкой работы"²¹.

Факторы, которым финикийский Ливан обязан своей универсальностью, можно свести к следующим:

Во-первых, приоритет в формировании абстрактного языкового

²⁰ Fouad Zacaria "Lea arabes a l'heure du choix", Bouchaire, 1991, стр. 144.

²¹ Эти слова взяты из книги Филиппа Хитти "История Сирии, Ливана и Палестины", Бейрут, стр. 96.

Историки наук не упускают случая отметить исключительную творческую одаренность финикийцев. Джордж Партон, например, говорит: "Заслуга в развитии искусств в бассейне Средиземного моря, колыбели нашей цивилизации, принадлежит в основном посредничеству финикийцев." (См. его книгу "История науки", 1961 г., стр. 4).

Американский ученый Раулстон, со своей стороны, подчеркивает: "В то время как люди предалися применению силы как единственному средству национальной славы, финикийцы с успехом показали, что возможно достичь известности, славы и справедливости, используя искусства и мирные средства ремесла и торгового обмена. Они могли гордиться тем, что организация власти у них была близка конституционному режиму. (См. History of Phoenicia, № 4, 1889, стр. 56, 59).

сознания – изобретение нового алфавита и тонкой лингвистической системы, которая, будучи передана миру, позволила человечеству приступить к письменной фиксации своей истории.

Во-вторых, новаторство в области торговых отношений и в кораблестроении, не говоря о глубоком понимании искусства мореплавания и астрономической науки, что сказалось на развитии торговли в Средиземноморье и за его пределами.

В-третьих, исполненная гуманности мудрость в области права, литературы и философии, оставившая четкий след в греческой мысли и далее – в великой эллинистической цивилизации, влияние которой ощущается во всем мире.

В-четвертых, приверженность такому типу религиозности, которая открывшись в поклонении богу Илу, помогла формированию начал единобожия и в дальнейшем оставило отпечаток на источниках некоторых боговдохновенных средиземноморских верований.

Римско-византийское измерение

Ливанская слагаемая религии, торговли, промышленности, литературы и науки на восточном и иных берегах Средиземного моря не особенно пострадала от исчезновения кучки небольших финикийских государств. Ее активность и влияние сохранились и в обширных просторах второго главного исторического круга, где в мышлении стало преобладать религиозное созерцание космоса и человека. Начала такой эволюции восходят к первым векам новой эры, когда христианство пробудило интерес людей к вопросам

нравственности, исповеданию веры, к мысли о спасении и соединении с всесовершеннейшим Всевышним. Тогда унаследованный от римской традиции культ бога Ила, благовествующего мир, добро и красоту, слился с почитанием божественности Великого Христа.

Сердце и дух Ливана оживились верой в византийскую эпоху, когда христианство целиком заполонило пространство его религиозного сознания. Этот период длился от конца первой трети четвертого столетия до конца первой трети седьмого. На всем его протяжении интенсивно развивалась духовная жизнь. Открывались монастыри. Строились церкви, сочетавшие элементы восточного и римского архитектурных стилей. Открылся простор для иконописи и христианского искусства вообще. Религиозный фактор господствовал над всем в период, который философы цивилизаций называли "веком веры". Отцы церкви в качестве религиозных идеологов заложили основы нравственного христианского сознания.

Именно в этот период в ливанском, как и во всем левантийско-сирийском ареале, утвердились фундаментальные принципы православия, которое не только сохранило чистоту и прочность ранней антиохийской церкви, но и пробудило христианское сознание левантийской, особенно ливанской общности, призывая людей укреплять веру и гордиться их левантийским, точнее арабским происхождением, а также открывая простор для света цивилизации, где бы ни находился его источник, на Западе или на Востоке. Хотя римская цивилизация, как и, в особенности, ее восточная, византийская часть, жила душа в душу с цивилизацией левантийской,

ливанские и сирийские общины уже в первые века новой эры стремились к самостоятельности и к самоутверждению. Тогда возрождением арамейско-сирийского языка было разбужено их национальное языковое сознание, носители которого не только приняли христианство, но и стали распространять его в мире²².

Мусульманское измерение

С приходом ислама случилось то, что случилось. Ислам пришел сначала единым, затем разделенным на множество толков, направлений и сект. Та или иная община, сформировавшаяся на том или ином этапе, находила себе светских и духовных вождей, вербовала сторонников, создавала догматику, устанавливала связи с

²² Одной из главных причин того, что мы в тот период замкнулись в себе, был фактор внешнего давления. Это – колонизаторский аспект византийской власти, которая обложила жителей страны несправедливыми налогами и проводило по отношению к ним политику тирании.

Этот фактор давления сказался также на других христианских общностях, не связанных с Византией. Стали возникать секты, отрывавшиеся от своих корней, отвечая на политику Византии и стремясь к сохранению своей вероучительной и региональной самобытности. Они создавали для себя новые обряды и строили церкви, разрабатывали собственную богословско-литургическую практику. Они вступали в отношения с другими общностями и на локальном и международном уровнях, проводили собственную политику в религиозных и мирских делах. Не единое христианство формировало религиозное сознание ливанца. Разбившись на множество конфессий и толков с разной экзегетикой и разной обрядовой практикой, оно обернулось христианской множественностью, что, в свою очередь, сказалось на множественности элементов, из которых сложилась самобытность ливанца.

соседями. И всякий раз, когда разгоралась борьба за земную власть между христианскими и мусульманскими общинами, и та и другая сторона использовали в своих целях сакральное как самое разрушительное оружие.

В средневековом, а затем новом историческом круге ливанская общность пребывала в тени столицы арабо-мусульманского мира. Мусульманской слагаемой принадлежит видная роль в изменении лица Ливана и обогащении его сущности. Ей удалось создать удивительную структуру, в которой мусульманский элемент слился с множеством других цивилизационных элементов, пребывавших в регионе, который называли "Благодатным полумесяцем". Ислам включил ливанца в свои далеко идущие цивилизационные планы и помог утвердить арабский язык в качестве инструмента общения ливанцев между собой и средства связи Ливана с миром.

В этой связи нельзя проводить различия между арабом-христианином и арабом-мусульманином с точки зрения их исторического наследия. И тот, и другой испытали влияние эллинистической, персидской, индийской и китайской цивилизаций. Хотя руководителями александрийской школы, а также школ Харрана, Нисибина и Рухи были в основном ассирийцы, и им принадлежит главная роль в распространении эллинизма на восточном побережье Средиземного моря, этот факт не вызвал неприятия у мусульманской цивилизации, которая сама вобрала в себя элементы эллинизма и впоследствии наилучшим образом использовала их в своем блестящем цивилизационном развитии.

Ислам в Средние века держал в руках бразды исторической

инициативы, и некоторые ливанцы избрали новую веру. Но общий ход событий был таков, что центры принятия важных решений оказались далеко от Ливана, и ему была определена, или он сам определил для себя роль средоточия немногочисленной общины, отличной от окружающего ее мусульманского большинства. И хотя многие покидали его пределы, а иные религиозные и этнические группы занимали их место, большинство жителей Ливана не пожелало расстаться с землей своих предков, ее духовностью и ее культурой. И они сохранили свою веру, придерживаясь различных левантйских направлений христианства. Одни из них при этом избрали ориентиром модель сосуществования и мирного, солидарного и братского сотрудничества с арабо-мусульманской общностью, другие в различные периоды ливанской истории полагали ориентиром римско-византийскую, или западную, модель. Дистанция между ними могла увеличиваться или уменьшаться, но стрелка ливанского компаса неизменно возвращалась к полюсу общения и сотрудничества ливанцев с их левантйским, прежде всего арабским окружением, имеющим мусульманское большинство.

Итак, пережив многие государства и многих правителей – царей, султанов, эмиров, и завоевателей - франков и турок, затем европейцев, Ливан неизменно утолял жажду из источников арабо-мусульманской культуры, и доисламской, и пост-исламской²³.

²³ Многочисленные мусульманские общности, например, друзы, нашли в Ливане убежище. Таким образом они сохранили себя и смогли свободно исповедовать свою веру. Самобытная личность ливанца обязана им многими чертами благоразумности и взвешенности ума.

Нельзя отрицать роли, которую ислам в лице суннитской, шиитской и друзской общностей, других мусульманских конфессий действительно выполнил, расширив множество слагаемых, из которых формируется личность ливанца-христианина, и обогатив ее содержание. Ислам с обилием его духовных и цивилизационных источников, являет собой исключительный этап развития иных цивилизационных процессов в нашем средневековом и новом историческом круге.

Поэтому многие из наших современных христианских мыслителей видят много правды в словах митрополита Жоржа Ходра, который однажды сказал: "Все мы – приверженцы ислама." И сказал в другой раз: "Я – продукт цивилизаций, которые сменяли друг друга на этой земле с начала истории, оставив всем нам в наследство мусульманскую цивилизацию."²⁴

Ислам в девятом и десятом веках новой эры действительно помог арабизации левантийских христиан, в том числе ливанцев. Темпы арабизации ускорились в турецкую эпоху мусульманского халифата²⁵.

²⁴ См. "Арабское христианство и Запад" в книге "Арабские христиане", стр. 96.

²⁵ И как реакция на османский гнет. Некоторые ливанские общины, в частности, марониты и некоторые друзы, и особенно эмир Фахр ад-дин аль Маани Второй, сыграли важную роль в ориентации ливанской культуры на Запад. С другой стороны, не прерывался интерес к положению дел в континентальной Сирии, Персии и Турции, что также оставило отпечаток на культурных и генетических корнях ливанцев. Всем этим ливанец еще раз подтвердил свою роль посредника в общении между культурами Востока и Запада.

Маронитское измерение

Маронитам в седьмом веке по разным причинам пришлось бежать из центральной Сирии и укрыться в горах Ливана, где они весьма прочно закрепились. Маронитская община исповедует христианство особого толка, и само ее название ассоциируется сегодня с Ливаном. Более пяти веков она поддерживает религиозные и культурные связи с Западом, и ей мы обязаны "вестернизацией" многих черт ливанской личности. Ее влияние в культуре Ливана, как и прежде, питает ливанский национализм. В ее глазах любое ограничение этого влияния равносильно разрушению Ливана, т.е. слиянию его с арабским окружением.

В конце девятнадцатого и в первой половине двадцатого века просвещенная христианская интеллигенция сыграла важную роль в пробуждении арабского национального сознания не только в Ливане, но и на просторах Арабского Востока и Арабского Запада. С ее помощью идеология арабизма приобрела современный характер. Как могла, она стремилась помочь ливанцу, как и любому арабу, улучшить его жизнь и прививала ему ценности современной цивилизации. Однако ее светско-националистический пыл быстро угас, как только просвещенная мусульманская интеллигенция встала под знамена арабизма. В этой связи Ясин аль-Хафиз подчеркивает: "Мусульманские интеллигенты, примкнув к движению арабского национализма, явно отступились от своей светской демократической

сути."²⁶

Фактор материальной культуры

С развитием средств сообщения, техники и науки, с попытками Запада модернизировать весь мир, ливанец, как и араб или иной сущий на этой планете, приносится в жертву космической глобализации. Вначале ее приводили в движение два локомотива – капиталистический и социалистический. Сегодня скоростной либеральный экспресс стремится увлечь за собою весь мир, стирая любые различия между людьми и формируя их в один человеческий состав, навязывая всем отличающуюся одним измерением цивилизацию потребления.

Этот джинн, поклоняющийся науке и технологиям в их самых разных формах, стал, вырвавшись из бутылки, пожирать расстояния между континентами и заглатывать время, играть нами, как куклами и заполнять собою мир наших чувств. Ему мы обязаны глубокими расстройствами в культурном сознании всех, в том числе нашем культурном сознании. И все же наш джинн, какой бы страшной ни была сила его технологических мускулов, не смог подмять под себя

²⁶ См. книгу "Секуляризация и сущность араба. И другой Ливан", Берйрут, 1976 г., стр. 154.

Националистическая установка некоторых мусульманских элит Ливана и Арабского мира соединилась в дальнейшем с глобалистской установкой ислама, который выступил в роли главного, и даже важнейшего фактора в их культуре и их самобытности. В этой связи возникло, и до сих пор существует, определенное неравновесие в соединении друг с другом слагаемых нашего исторического облика.

мир исторических, культурных и личностных ценностей человека. Реакция на его натиск и сопротивление ему возникли на самом Западе, как и за его пределами²⁷.

Потому скажем: материальный элемент потребления является одним из важных факторов формирования личности современного ливанца. И все же проблема сохранения традиционных левантийских ценностей в той или иной мере волнует многих наших сограждан.

Уверуем в философию различия

Таковы в общих чертах главные составляющие личности ливанца. Прибавим к их числу приверженность идеям сирийского национализма или национализма ливанского. М если еще привнести сюда общую мудрость, общий разум и дух, общую веру в единство Бога, личность эта станет по-настоящему зрелой, вспомнив бессмертные слова Аристотеля: "Счастье человека – в выборе

²⁷ Джордж Карм говорит: "Взгляд ливанца на свою страну и ее сущность, как и на реальности ее окружения, построен в значительной мере на недавних традициях. Один из его источников – сама европейская мысль, различные антагонистические формы которые входят в контакт с мыслью ливанской и мыслью арабской. Другой – религиозная мысль восточного христианства, по-своему рассматривающая Запад. Приверженность корня национальной культуры в части своей обязано своим существованием различным западным философским школам, призывающим к отказу от модернизма и возвращению к исторической самобытности. (См. "Подход к Ливану и ливанцам", Бейрут 1996 г., стр. 21).

Леви-Стросс говорит: "Некоторые культуры идут в направлении сохранения различий, другие же действуют в направлении сближения и интеграции" "Anthropologie structural", 1973, Paris, 380-381.

средней философии и умеренности в делах."

Средняя философия по природе своей враждебна гегемонизму, фанатизму и насилию. Ее позиция ясна. Что может противопоставить силе угнетаемая общность? Она замыкается в себе, вооружаясь косными догмами, или ищет помощи на стороне. Там, где политика не является общим делом, а разуму не хватает разумности, появляются силы, ищущие крупных ссор. Большинство стремится к сохранению своей гегемонии, меньшинство – к открытости и взаимодействию с другим²⁸.

Ливанец будет мудр, если поймет важность поддержания равновесия между интересами большинства и интересами меньшинства, между их культурами, и поддержит принцип развития на межобщинном уровне разумного, терпеливого, спокойного и демократического диалога. Характерными чертами нашей сущности в новейшее время стали разнородность в системах образования, различие в подходах к мирским и религиозным делам, анархическая множественность в нашей культуре, фанатизм и раскол в обществе, склонность к междоусобицам и межобщинным спорам. Не настало ли время возвыситься до прозрения, которое показало бы, что лицо культуры Ливана – множественность и разнообразие на всех уровнях, и в духе этого разнообразия стараться воспитывать себя? Вступим же на путь "философии различия" между нами, где каждая сторона отдаст лучшее, что у нее есть, не притязая на превосходство над другою, признает ее отличия и будет гордиться ими, великодушно оставит ей место рядом с собой и будет искать позитивного

взаимодействия с нею!

Мишель Шиха, крупный мыслитель и либеральный демократ, к которому многие из нас были несправедливы, говорит: "Прошли века со времени катастроф и переворотов в нашей жизни, и не осталось ни следа от завоевателей и завоеваний. Но мы существуем. Мы – место, чья природа дает приют всякому, откуда бы он ни пришел. На нашей земле появлялись и исчезали цивилизации, менялись верования, культы, обряды и языки. Наша страна прежде всего – средиземноморская, и, как находящаяся посередине, она чувствует, чем живет окружающий ее мир."

Добавим, что наше ощущение универсальности станет еще более полным, если укрепнут наши арабские и левантийские корни, которым мы стремимся придать силу глубокой связью с ценностями демократии, рационализма и справедливости.

²⁸ "Ливан сегодня" Бейрут, 1994 г., стр. 80.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

РУССКОЕ И ЛЕВАНТИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ СОЗНАНИЕ

ПЕРВАЯ ГЛАВА. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И БОРЬБА ЗА САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ ЛИЧНОСТИ

Русское православие и современность

В западном философском пространстве множатся рассуждения о конце истории, гибели идеологий и культур. Эта гнетущая жизненная атмосфера обряжается в ризы теологии, вооруженной самой современной техникой формирования общественного сознания и поддержанной мощью международных банкирских домов, и гулять по земле и по небу выпускает космического призрака, который входит почти в каждый дом, совершая аудио-визуальную агрессию и добираясь до иных человеческих чувств. Этого призрака приводят в движение не тайные силы, а творцы идей – интеллигенция и политические лидеры, представляющие тип власти, правящей в Америке, вроде Генри Форда, рассуждающего о "мусоре истории", Фукуямы – о "Конце истории" или Гененфтона о "борьбе цивилизаций". Есть много других схожих примеров из области культуры, духа и экономики, о которых нет возможности говорить в этой статье. Появляется множество рассуждений о "менталитетах" и культурных особенностях народов. Обожествляются "образы" потребительских товаров и примеры "успехов" на жизненном поприще. Все это постепенно замещает не только гуманистические и сакральные ценности, воплощенные в образе Всевышнего – источника блага, спасения, духа и красоты, но и идеалы социальной справедливости, авторство которых принадлежит силам добра в

истории. Обитатели технологически развитого "метрополиса" и его провинции оказываются в состоянии растерянности, чувствуя себя живущими в чужом для них мире, в чужой реальности, где правит железная воля, фетишизирующая капитал, освобождающая инстинкт из-под власти морали и нравственности и планомерно обожествляющая технологию и технику.

Техногенному натиску противостоят ренессанс коллективного воображения, исторической и духовной памяти цивилизаций, особенно тех, которые, обладая богатым культурным наследием, чувствуют, что их самобытности угрожает изгнание на обочину развития или полное исчезновение. Россия – не исключение из их числа. На этапе, который она переживает сегодня, – одном из наиболее опасных для ее национального бытия, из груди ее вырывается гневный протест против попыток уничтожить самобытность ее цивилизации и ее культуры. Этот протест, при всем разнообразии его источников и внутренней противоречивости, направлен на защиту уникальности культурно-цивилизационного лика России. Борьба за самобытность России ведется разными средствами, различными, но одинаковыми по пассионарности людьми, объединениями и силами. Важную роль в этой борьбе играет Русская православная церковь. Мысли этой статьи посвящены ее дискурсу, как и проблемам настоящего и будущего культурно-цивилизационной модели России.

Русская православная церковь занимает важнейшую – первую линию защиты самобытности России. По словам Солженицына, "она принесла российскому государству его историческое сознание и его

духовное ядро"¹.

Эта позиция не является монополией тех, кто воспроизводит религиозных дискурс официальной православной структуры, но вызывает отклик в самых широких слоях русского народа. Ее горячо поддерживает национальное течение, сплотившееся вокруг Союза писателей России, главным органом которого является журнал "Москва".

Ренессанс такого типа в части своей вызван состоянием идеологического вакуума, которое образовалось в России после распада Советского Союза. Сама Россия нуждалась тогда в защите от идеологического и культурного распада, тем более, что внутри страны существовали силы, тесно связанные с идеологией и политикой глобализма, как и с широкой сетью интересов транснациональных корпораций. Эти внутренние, как и внешние силы хорошо понимают важность рынка сбыта, который, по крайней мере, географически, является крупнейшим на планете. Поэтому, в связи с кризисом марксизма как составляющей политического и идеологического сознания общества, многие структуры, движимые идеологией мира финансов, приступили к реформированию общественного сознания России. Финансовая империя, которой руководит американский еврей-миллиардер Сорос, взяла на себя финансирование исследовательских работ, особенно в области гуманитарных наук, стремящихся не только разрушить систему ценностей, лежащую в основе идеологии прежнего режима, но и внести разброд в русское сознание, формирующееся на базе

¹ Журнал "Москва", № 9, 1995 г., стр. 158.

определенных представлениях о самобытности России.

Настало золотое время для протестантов, баптистов, свидетелей Иеговы и японских тоталитарных сектантов, развернувших активную работу с целью заполнить своими идеологемами пространство метафизики и веры в русском сознании.

В таких условиях сама Русская православная церковь была вынуждена занять активную позицию. Она взяла на себя главную роль в защите духа русской нации. В статье, вызвавшей широкий отклик в политических и религиозных кругах, настоятель одного из алтайских монастырей, писал, предупреждая русских людей о грядущей катастрофе: "За кучку долларов вы продаете свои тела и души и землю-матушку. Русский дух должен восстать против масонских клик, разрушающих тело России, напуская на нее микробов разложения, взяточничества, преступности, наркомании и морального упадка. Нужно спасать народ от опасности надругательства над его лучшими сынами и мыслителями, учеными и честными политиками, над его армией и всем его воинством, защищающим величие государства. Предупреждаем об опасности, которую несет деятельность иностранных религиозных миссий, как и об опасности всех бессмыслиц и всех средств надругательства над умами и душами, расширяющие власть дьявола над душами православных христиан."

Проблематика самобытности культуры

Русская православная церковь преуспела в мобилизации

энергий русского народного сознания на защиту русской религиозной самобытности. Критикуя деятельность иностранных миссий и защищая православную веру, один из ее иерархов митрополит Иоанн писал в журнале "Москва": "Мы – не девственная африканская страна, не знающая христианства. Наша религия, укорененная в глубинах русского сознания, имеет более чем тысячелетнюю историю."²

Ситуация обострилась до крайности во второй половине прошлого года, когда при обсуждении проекта закона о религиозных организациях возник острый спор между Православной церковью и патриотическими силами, с одной стороны, и знаковыми фигурами российского политического истеблишмента – с другой. После бурных прений в текст закона была внесена предложенная Церковью и одобренная Советом Государственной Думы поправка, в которой отмечалось, что "православие является неотделимой частью русского исторического духовного и культурного наследия". Высказав уважение к исламу, буддизму и иудаизму, закон постановил, что религиозная община может заниматься миссионерской деятельностью лишь в случае, если докажет, что она пребывает на русской земле не менее пятнадцати последних лет. Закон вызвал большое неудовольствие Запада, сказавшееся на позиции кругов, близких к президенту России, который 23 июля 1997 года наложил на него вето, хотя в дальнейшем и одобрил его, уступая не только своим политическим оппонентам, но и главе Русской православной церкви Патриарху Алексию Второму. В пастырском послании,

² "Советская Россия", 26 ноября 1966 года, стр. 5.

опубликованном многими средствами массовой информации. Патриарх подчеркнул, что новый закон о религиозных организациях справедливо выражает особое уважение к православию, исламу, буддизму и иудаизму, имеющим глубокие корни на российской земле, и высказал удивление критикой в адрес закона со стороны правящих кругов и религиозных организаций Запада, хранящих молчание в отношении многих законодательных ограничений свободы вероисповедания в других странах. Такая позиция, сказал патриарх является "дискриминационной и несправедливой по отношению к России и ее национальной самобытности"³.

В дискуссии вокруг закона о религиозных организациях приняли участие такие иерархи русской православной церкви, как митрополит Сергей и митрополит Кирилл, первый из них сказал: "Существуют принципиальные вопросы, в отношении которых церковь не может идти на уступки, такие, как духовный и православный характер страны"⁴. Вторым подчеркнул: "мы рассматриваем закон о свободе верующего как сугубо русскую проблему. Мы вправе защищать свободу нашей веры"⁵.

Положение дел в России не сводится, однако, только к свободе православной веры и сопротивлению западным миссионерским миссиям. Православный дискурс звучит сегодня во всем российском пространстве. Вместо лозунга советской эпохи, который гласил, что

³ Журнал "Москва", № 1, 1995 г., стр. 201.

⁴ "Российская газета", "Завтра", "Независимая газета", "Советская Россия" 26 июля 1997 года.

⁵ Там же.

Россия – страна социализма, звучит другой: Россия – страна православия. С этим лозунгом выступили представители религиозных и светских кругов из 57 субъектов Российской Федерации, встретившиеся 9 февраля 1997 года в Успенском соборе Кремля. Интересно, что религиозный дискурс на этой встрече перекликался или совпадал с политическим дискурсом всего спектра российской политики. Президент России и глава его Администрации, коммунист – Председатель Государственной думы, представители высшего генералитета говорили о православии как о символе духа России и как о ее святыне. Слова председателя Государственной Думы особенно примечательны: "Русская православная церковь, – сказал Селезнев, – на протяжении всей своей истории окружала материнской заботой русское государство". Со стороны Союза народно-патриотических сил предпринимаются активные попытки сближения с Православной церковью, тогда как правительство, со своей стороны, стремится привлечь ее, в частности, Патриарха в число своих союзников. В то же время внутри Церкви существует течение, призывающее помнить о горьком историческом опыте и не искать ни с кем близости, оставаясь религиозной инстанцией – нравственной совестью каждого русского человека. Примечательно, что дискурс левых сил России, в частности, течение, которое возглавляет Зюганов, заявляет: "Социализм и православие являются источником силы России и залогом ее будущего." В газете "Советская Россия", выступающей от имени левого блока, неизменно идет речь о близости социализма и православия, укрепляющих дух русских людей и обеспечивающих России будущую победу над ее

противниками. Один из ее авторов писал: "Если русский народ сумеет укрепить узы между социализмом и православием, сплотив их в единую силу, он достигнет невиданных в его истории мощи и превосходства"⁶.

Однако эти призывы русских религиозных и патриотических сил сами по себе, на наш взгляд, не говорят о силе и сплоченности. Эти силы находятся в состоянии обороняющихся от опасного глобалистского натиска, стремящегося изменить природу русской цивилизации, вырвав ее исторические корни.

Менталитет русского человека складывается из набора унаследованных признаков, определяющих склад его ума, и признаков приобретенных, прежде всего в столкновении с трудными жизненными обстоятельствами. Русский гордится принадлежностью к особой форме культуры. Возмущения, пришедшие извне, в сочетании с его ответной реакцией, нарушили его душевный покой. Быстро изменилась среда, в которой он живет, и ему стало казаться, что его силой вырвали из привычного для него мира. События угрожают выкорчевать его культурные корни, и разум его вскипает, требуя защиты себя и отрицания Другого.

Хаос в измененном сознании приводит к изменению ценностных ориентиров. Былая уверенность в себе сменяется глубоким чувством отчужденности, взрывами возмущения и протеста, свидетельствующими о неустойчивости духа и кризиса личности.

Россия сегодня не та, какой она была в семидесятые годы.

⁶ "Советская Россия", 17 июля 1997 года, стр. 5.

Врата ее шире открылись в мир, и она оказалась под его воздействием и наблюдением. Через распахнутые створки в Россию хлынул не только западный капитал – хлынули потоки культурных штампов, политических и религиозных догм, расползающиеся по этой планете. Многим русским это представляется покушением на самобытность их культурно-исторического бытия. Алекс Мишиелли писал: "Когда другой оценивает вас взглядом, он подвергает Вас воздействию своих суждений. Это воздействие может исказить Ваше видение самого себя."⁷

Русская православная церковь и русская интеллигенция, интересующаяся вопросами религии и политики, настороженно относятся к взглядам, которыми их изучает Другой, в частности, Запад, выступающий с позиции, продиктованных его интересами, навязывая людям России свои представления о мире посредством массивного информационного натиска и натиска завербованных им интеллигентов-западников. Последствия таких действий могут быть самыми негативными для отношения широких масс людей к их истории, к их настоящему и к их общему представлению о себе. Человек может не заметить, как со временем изменится склад его ума и набор присущих ему нравственных ценностей в соответствии с ориентирами, которые избрал для него Другой. Русская душа подвергается пыткам, русский интеллект – операции деперсонализации. Людей охватывает чувство отчужденности, подавленности и духовной пустоты, проявляющихся не только на культурно-нравственном, но и на физическом срезе их личности. В

⁷ "Православный мир", № 3, 1997 г., стр. 13.

духе учения великого Павлова о природе человеческого мозга можно сказать, что резкие перемены в окружающем человека физическом, нравственном, эмоциональном и культурном информационном поле, приводя к резкому увеличению потока получаемой извне информации, выражаются в изменениях структур его разума и мира его души. В итоге возникают состояния психических стрессов, побуждающие человека менять представления о себе и о своем месте в жизни, ища опоры либо в абсолютистском дискурсе, предлагаемом каким-либо новым вождем, либо в цивилизационном дискурсе лидеров "нового мирового порядка". И человек сникает, более не владея разумом, открытым для восприятия жизни во всей ее полноте. И потому Русская православная церковь видит себя в центре битвы, ведущейся за душу России, – битвы, в которой вместе с ней участвуют самые разные силы, движимые разными интересами. Она, опираясь на прочные корни религии в исторической памяти людей и в их метафизическом сознании, стремится вернуть России тот образ, в котором страна привыкла видеть себя, – образ великой державы, сильной духом своей соборности. С другой стороны, все активные, в частности, патриотические силы, в каких бы трудных условиях они ни действовали, всячески поощряют творческую изобретательность народа, призывая его напряженно трудиться над преодолением моментов слабости, расширением пределов свободы, гуманности, демократии и прав человека в русском национальном сознании, в рамках среды, в которой он живет, и в его вселенском окружении. На наш взгляд, главным условием освобождения людей от их нынешнего негативного опыта является изыскание открытой

рационально-критической формулы целостной национальной самобытности, которая включала бы в себя набор органически согласующихся между собой гносеологических и духовно-культурных слагаемых. Сама постановка такого вопроса вернет общественному сознанию России чувство уверенности в себе и поможет ей, преодолев нынешний опыт, незамедлительно приступить к другим, что откроет широкий простор для прогресса и перемен в ее жизни. Россия не похожа на другие страны, которых мирились с поражениями, и если кому-либо, великому или малому, кажется, что сон ее долг, то всякий, кто углубится в изучение ее истории, увидит, что в ее идейной, культурной, духовной и материальной сокровищницах столько добра, что она всякий раз возрождалась, не только догоняя сильных мира сего, но и во многих отношениях превосходя их.

ВТОРАЯ ГЛАВА. ОБРАЗ ИЕРУСАЛИМА В РУССКОМ РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Сложное представление, определяющее в России взгляд на Иерусалим, неодинаково. Оно менялось в зависимости от социокультурной среды, факторов места и времени. Россию, как известно, населяют и христиане, и мусульмане, и буддисты. В прошлом некоторые этносы придерживались язычества. В новое время появились атеисты. В данном исследовании будет рассмотрен взгляд на Иерусалим крупной и наиболее влиятельной культурной общности – православной, в новое время, когда Иерусалим занял центральное место в русском православном религиозном сознании.

Иерусалим. Значение и символ

Иерусалим – не место, не люди, не конкретные факты, из которых складывается повседневная жизнь. Это – священный символ в русском религиозном сознании. Им порождались разные по интенсивности эмоции, отражавшиеся в этико-духовной сфере. Эмоции эти становились глубже и прочнее по мере того, как взгляд уходил в историческое прошлое, к началу первого столетия после Рождество Христова. Древний Иерусалим воспринимали как вневременный символ – город, в котором воплотились божественная непорочность и божественная чистота. Иерусалим же в его настоящем – в муках с израильтянами, в борьбе, которая велась вокруг него в британскую, турецкую, арабо-мусульманскую,

византийскую и римскую эпохи, воспринимался двояко. Для одних город оставался непоколебимым средоточием святости и главным центром христианства, и их не волновала мирская тщета, под гнетом которой изнывал Иерусалим, будучи ставкой в игре разных сил, которые оскверняли его, используя как "символический капитал". Для других Иерусалим был главным духовным центром иудеев, христиан и мусульман, и его следовало укреплять в роли примера продуктивного и равноправного сотрудничества приверженцев трех религий.

Эмоции первого типа преобладали у русских в Средние века и в Новое время, которым и будет посвящено исследование. Иерусалим представлялся тогда как город, исполненный символов и смыслов. Там родился Христос и оттуда исходила его космическая проповедь. Вокруг него человеческое воображение рисовало многообразные картины связи человека с богом и его окружением. Там Господь ясно сказал, каким должно быть отношение человека с кесарем и с богом, и его слова – "Отдайте кесарю кесарево, а богу богово" – до сих пор вызывает споры. Там определились начала христианской философии, касающиеся многих вопросов нравственности. Там произошло разделение между метафизической историей человека и реальным ходом исторического процесса. От земли этого города изшел космический дух, обрисовавший главные черты христианской веры, которым суждено было в дальнейшем отпечататься в религиозном сознании людей на всех континентах.

Иерусалим обогатил творения русской религиозной и интеллектуальной элиты различными темами, отразившимися в

духовной и светской литературе, в музыке, архитектуре, философской мысли. Его величественных образ околдовывал путешественников и купцов, в дальнейшем – дипломатов и исследователей цивилизаций Среднего Востока. По их ярким рассказам русское религиозное сознание представляло себе Иерусалим, и так складывались некоторые важные черты русской духовной культуры. Понятия и определения богословского разума, придававшие святость Иерусалиму, и символично-метафорические высказывания, относящиеся к области метафизического мышления, заполнили пространство русской религиозной мысли, фиксирующей в письменных памятниках. Иерусалим представлялся русскому сознанию не только как символ Царства Божия, но и как город, несущий на себе печать множества исторических событий, отмеченных характером святости. Избрание Иерусалима центральным местом паломничества, как и одной из главных тем светских и богословских раздумий, было связано с тем, что на земле его происходили события и трагедии, запечатлевшиеся в коллективной памяти христианского мира и веками занимавшие его культурно и духовное пространство. На этой земле вечное встретилось с тленным, или, как сказал ливанский писатель Ильяс Хури, там "вечность встретилась с историей"⁸.

Это – Святая земля для христиан. Здесь пустило корни монашество, и родилась богословская мысль. В глазах всех верующих она – колыбель левантйской и западной цивилизаций. Своими пейзажами, символами и смыслами Святая земля вошла в

⁸ Ильяс Хури, приложение к газете ан-Нахар, Бейрут, 11.10 1997, стр. 19.

религиозное искусство. Активизация же политического, культурного и религиозного общения между левантийско-византийским и русским православным христианством столь глубоко запечатлело образ Иерусалима в глубинах русского религиозного сознания, что царь Московский после падения Константинополя в 1453 году, видел в Москве символ Нового Иерусалима. Такое представление о Москве, пусть не все в русской столице с ним согласны, в дальнейшем неизменно соединялось с образом реального Иерусалима.

Для облачения в слова конкретных фактов, нужно совершить раскопки в пластах истории в поисках фактов, представлений и образов, из которых складывался общий взгляд на Иерусалим. Раскопки и исследования такого рода выводят на события, отстоящие друг от друга во времени. В интеллектуальной, художественной и богословской мысли нередко нет согласия в отношении важности той или иной богословской концепции, значения того или иного художественного ж метода, роли той или иной личности в событиях того времени. И все же, внимательно изучив совокупность впечатлений, образов и идеализаций, можно выявить главные особенности формирования и эволюции взгляда на Иерусалим в русском религиозном сознании, как и органическую близость между русской культурой и русской духовностью, с одной стороны, и культурой и духовностью левантийского христианства – с другой.

Вифлеем в воображении паломников

Если Христа в Вифлееме влекли к себе всех русских

паломников. Существовало множество рассказов о святости этого места. Путешественники и священнослужители устно и в записи передавали свои впечатления русским людям. В русский язык вошло много арабских слов. Одни – в буквальной транскрипции собственных имен, названий местностей и городов, как например, Яффа, Хайфа, Джалиль, Насыра, имен палестинских деятелей нового времени, другие – в видоизмененной форме (так, Бейт Ляхм стал "Бетлеемом"). И перевод, например, который сделал этому названию русский архимандрит Августин Никитин ("Дом хлебный" или "Дом молочный") не соответствует корневому значению слова. Видимо, это происходило от незнания арабского языка и от общей неинформированности, что приводило к искажению собственных имен и топонимов. Главное, однако, в том, что впечатления путешественников отражали святость и красоту Вифлеема. Вот что рассказывает один из них, и сами его слова звучат песней: "И слышалось громкое песнопение паломников. Люди исполнены счастья, встречая праздник Рождества. Благоговейно держа в руках свечи, они с трепетом входят в величественный Вифлеемский храм"⁹.

С развитием паломничества в Святую Землю в русском сознании – официальном, религиозном и народном – вырос интерес к реставрации и украшению Вифлеемского храма, и еще большим стало внимание к Вифлеему и еще более широкой – его известность в России. Об этом повествует в своих мемуарах патриарх Иерусалима Афанасий Пятый, а также русские¹⁰, как и греческие¹¹ источники,

⁹ Елисеев А.В. "С русскими паломниками на Святой земле". 1885 г., стр. 138.

¹⁰ Наванколь "О церкви Рождества Христова в Вифлееме", издание Киевской

переведенные на русский язык. Русская православная церковь не упускала повода укрепить свое присутствие в Вифлееме в духовном плане, а также на эстетическом уровне. Русская длань оставила печать в работах по мрамору на порталах вифлеемских церквей, водружении Креста и Звезды на местах, видимых для паломников. Деятельность русской православной церкви не проходила без конфликтов с другими христианскими конфессиями, как и с другими странами. Было, например, много споров между католиками и православными о том, кто вправе соорудить какой-либо памятный знак на месте, привлекающем взоры паломников, или кто должен первым служить ту или иную службу. И даже сама Святая Земля была предметом межхристианских споров за право установить над ним политический контроль. Русские горячо, я бы даже сказал, со страстью защищали свое присутствие в Святой Земле. Русские иконописцы писали иконы, проникнутые духом такой веры, которая редко встречается в христианском мире. Краски, исполненные теплоты, прелести и трепетности украсили храмы Вифлеема. В воспоминаниях одного из писателей описано русское участие в украшении места, где родился Иисус из Назарета: "Мы исполнились великой гордости, увидев возле креста, на месте рождения Спасителя, великолепную икону, сотворенную русской кистью, и на ней слова или стих на русском языке "Хвалите Господа в вышних, и на земле – мир"¹². Приверженность русского религиозного сознания к Святой

богословской академии № 10, 1882 г., стр. 201.

¹¹ Марков. А. "Путешествие в святую землю", Санкт-Петербург, 1891 г., стр. 139.

¹² Кавлантский А. " О поездке в Святую землю", аль-Гариб том 12, 1885 г., стр. 639.

Земле побудила верующих построить церковь, подобную по размерам и красоте той, которая стоит на месте рождения Спасителя в Вифлееме, в крипте храма Святого Михаила (или церкви воскресения Христова) в Санкт-Петербурге. Это место, по словам одного из русских исследователей истории паломничества, "привлекало близостью своей верующих, как если бы они совершали паломничество к духу Господа на русской земле."¹³ Величественность Вифлеема с его достопримечательностями давало богатый материал для творчества историков, культурологов и художников. Но самым широким был интерес к Вифлеему в духовной литературе. Ее авторы подробно описывали город и его предместья, все те места, где ступала нога Христа, который святым словом исполнил их духа. Все то, что исходило от этой земли, считалось священным для русских паломников. Они возвращались на родину, унося с собой щепотку земли, оливковый листок, крест из иерусалимского дерева, каплю масла, глоток вина, четки и т.д. Эти памятные предметы хранились в красных углах – святая святых жилища верующего, радовали его глаз, питали чувства и воображение, укрепляли святостью его дух и разжигали пламя веры в его сердце.

Русские паломники получали теплый прием в Вифлееме, Бейт Джале и Бейт Шахуре. Не один из них соглашался с просьбой жителя этих мест стать крестным отцом его ребенка. Об этом обычае вспоминает путешественник и писатель Каминский, ссылаясь на рассказ митрополита Дионисия: "Местные арабы питали к русским

¹³ См. книгу В. Евцова "О Святой земле", Санкт Петербург, 1837 г., стр. 18.

особую любовь. Они с нетерпением ожидали прихода паломников и время от времени просили чтобы кто-либо из них стал крестным отцом его сына или дочери."¹⁴

Вифлеем, Иерусалим, храм Колыбели и воскресения... Все эти слова, состояния, места и смыслы получили глубокий резонанс в русском религиозном сознании. Содержание этих знаковых символов формировало умственное представление, обладающее свойством значимости. Значимость эта запечатлевалась в сознании русского верующего. Она обладала качеством длительности в структуре его ума и сохранилась, несмотря на усилия по секуляризации русского сознания, проводимые со времени реформ Петра Первого, включая советскую эпоху.

Иерусалим в русской иконе

Икона занимает особое место в эстетическом сознании русского православия. Воображение русских иконописцев создавало иконы, служащие украшением храмов и жилищ верующих. Русским людям иконы приносили теплоту веры, поддерживая непрерывность их интуитивной связи со Всевышним. Именно иконы придали личности русского метафизическое измерение, сопровождающееся надеждой освободиться от мира, полного людских ошибок и людской греховности. Как сказал один из русских исследователей, "икона для русских была не просто живописью, но и жизненным выражением

¹⁴ Каминский В. "Воспоминания паломника в святой земле", Санкт-Петербург, 1856 г., стр. 117.

духовной способности человека спасти все тварное с помощью искусства и красоты. В линиях и красках икона не подражает природе. Посредством их иконописец стремится показать, что человек, животное, растение, не говоря уже о космосе в его полноте, могут избавиться от состояния падения, которое их угнетает, и вернуть себе свой подлинный, космический образ, являющийся частью видимого космоса."¹⁵

Образ Иерусалима со всей его многозначной символикой по-прежнему служит главной темой русской иконы. Иерусалим присутствует в каждой церкви, полняя воображение, чувство, и интуицию верующих. В нем воплощено "Царство Божие на земле". Иерусалим русской иконы представляется глазам верующего городом, который, паря в воздухе, опускается на землю свыше. Для знаменитых русских живописцев в том числе для Андрея Рублева, Иерусалим имеет такие отличия от других городов:

Во-первых, это – небесный город, исполненный символов, а не воплощенная искусством художника конкретная реальность, существующая где-либо на местности или описанная в каком-нибудь свитке.

Во-вторых, это – небесный город воплощенный в образе святого места или церкви, то есть – храм духа. Этот город открывает свои врата и пределы своего духа для всех, кто верит в него.

В третьих, Иерусалим на русской иконе воплощает небесный храм, которому верующий доверяет все свои тайны и ожидания спасения.

¹⁵ Тимоти Уэйр, "Православная церковь в прошлом и настоящем", 1982 г., стр. 47-49.

В этой связи русский исследователь Либов подчеркивает: "Тематика Иерусалима занимает особое место в иконографии, искусстве миниатюры и масляной живописи, которые знало русское религиозное искусство."¹⁶

Наблюдая игру световых линий, человек, созерцающий русскую икону, сразу же видит образ храма, города или монастыря, и в его уме возникает мысль о Святой горе, Храме Воскресения и монастыре Спасителя.

Образ Богоматери с Иисусом на руках, картины жизни Христа от рождения до смерти, лики его апостолов и последователей – все эти изображения занимают центральное место на русских иконах, воплощаясь в красках на фоне города-символа, небесного града, благородного Иерусалима. Иерусалим – царь городов – был предметом особого внимания русских иконописцев, которые имели свое понимание искусства иконописи и сущности Иерусалима.

Сравнивая русскую религиозную живопись с западной, цитированный выше Либов подчеркивает: "Православная иконография отличается от религиозного искусства Запада тем, что принципиально избегает украшательства в изображении конкретного сюжета, стремясь к созданию поэтико-метафорической картины, неотделимой от духа города, храма, купола, стен, райских кущ и Матери Божьей."¹⁷ Вдохновляясь жизнью Господа и его заповедями, знаменитый художник профессор Фарабион создал одну из лучших своих картин, о которой в русской печати дали отзывы самые

¹⁶ "Иерусалим и русская культура", Москва, 1994 г., стр. 17.

¹⁷ Там же, стр. 22.

известные критики¹⁸.

Некоторые из них, например, Киблиш, Кандуров и другие, посетили город, где родился Господь и откуда прозвучала его проповедь, и сфотографировали его. Часть фотографий осталась на Святой земле, часть они увезли с собой в Россию, где опубликовали большими тиражами художественное изображение Святых мест, стремясь донести его до самых отдаленных уголков России¹⁹.

Иерусалим в религиозных обрядах

Большая часть обрядов русской церкви восходит к источникам, получившим рождение на земле Ханаана. Главные темы молитв и песнопений группируются вокруг жизни Спасителя, пророков и святых. Существует особый, общий для всех язык тела, помогающий исповеданию веры – складывание пальцев в крестном знамении, поклон, преклонение головы и коленопреклонение, поднятие глаз к небу и поднятие рук.

Место играет важную роль в исполнении обрядов. Отсюда – подражание храму иерусалимской церкви, который обладает всем необходимым для обрядовой практики – молебна, крещения, освящения брака, отпевания и т.д. Русская церковь в основном следует обрядовости и символике церкви иерусалимской. Здесь и голубь – символ чистоты и невинности, и рыба, символизирующая написанием начальные буквы евангельского выражения "Иисус

¹⁸ "Дейр Ширмансак", "Русские паломники в Иерусалиме", Москва, 1875 г., стр. 63.

¹⁹ Там же, стр. 66.

Христос, Сын Божий, Спаситель", и лодка, символизирующая символ спасения человечества от земных бурь, и рыбак, означающий улавливание людей, которым открывается блаженство духовной жизни, и финиковая пальмы – символ обновления мира и воскресения рода человеческого, и венец – символ венца, который обретают спасенные в ожидающей их вечной жизни, и добрый пастырь – символ Христа.

Символы, заимствованные из социо-культурных традиций Иерусалимской церкви, легли в основу духовных писаний и педагогики в православной религиозной системе, как с избытком показал историк Италов²⁰.

Обрядовая практика распространилась на все богослужebное пространство русской церкви. Ею определяются время молитвы и время поста, даты религиозных праздников, она устанавливает порядок похорон, в частности, форму гроба и материал – дерево или камень для изготовления креста. Многочисленные археологические раскопки показывают, что крест изготовлялся из камня в подражание склепу, в котором был похоронен Господь²¹. Камень обычно избирался белого цвета. Форма креста и изображения на нем свидетельствуют о влиянии византийского наследия. Отпевание, способ захоронения и соответствующая символика заимствованы из истории жизни Иисуса из Назарета – его заповедей, смерти и

²⁰ Италов Л.В. "Данные из русских источников, относящихся к Палестине", Санкт-Петербург, 1906 г., стр. 340-360.

²¹ "Советская археология", Москва, 1985 г., 13, стр. 97.

воскресения²².

Православные левантийские обряды были широко представлены в первые столетия после крещения Руси. В дальнейшем стала использоваться обрядовость, связанная с византийскими и славянскими традициями. Это привело к некоторым изменениям, например, к использованию золота, серебра, драгоценных камней и иных украшений для придания обрядам большей красочности. Русские церковные иерархи стали проявлять вкус к одеждам патриархов, епископов, священников и дьяконов. Далеко зашло дело с изготовлением изящных сосудов для причастия. С роскошью оформлялись интерьеры и экстерьеры церквей, порталы и алтари. Стремление к красивости отразилось в иконописи и всей системе обрядов. В дальнейшем это привело к конфликту между теми священнослужителями, которые предпочитали аскетическую жизнь, отказываясь от соблазнов мира, политики и власти и призывая к простоте и чистоте веры, воплощенных в жизни Господа, и теми, кто стремился извлечь выгоду из религиозных ценностей, т.е. овладеть пространством сакрального в сознании верующих и, полонив их чувства и интуицию, добиться с их помощью поддержки притязаний церковных иерархов на участие в мирских делах. (Эта большая тема требует специального исследования.) В конце концов стороны договорились сохранить три устоя православного видения веры: доктрину, религиозное познание и метафизический опыт со всеми его следствиями. Конфликт в дальнейшем возник в отношении

²² Панов Т. "Каменные гробницы", "Русская археология", Москва, 1991 г., № 2, стр. 90-104.

эстетического измерения религиозного сознания. В русской религиозно-культурной памяти жива система обрядовой практики, оформившаяся в результате решений высших религиозных инстанций в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках. С другой стороны, возникали новые тенденции в иконописи. Становились все более зрелищными религиозные службы. Ценности русского религиозного сознания и литургической практики создали духовный и даже национальный стимул, проявивший себя во времена крупных событий, в дни войны и в дни мира.

В течение всех этих веков, при всех поворотах и потрясениях Иерусалим не исчезал, а, наоборот, активно присутствовал в русской обрядовой практике.

Новый Иерусалим в окрестностях Москвы

Было время, когда высшие церковные иерархи России активно стремились использовать сакральное для утверждения своей власти в делах религии и в делах мира. Стойким хранителем веры и защитником церкви в своей стране оставался простой русский человек. С пятнадцатого века Москва выступает в роли политической и культурной столицы России, как и центра духовности не только в России, но и после падения Византийской империи – для всего восточного христианства. Эта тенденция ясно проявилась во времена правления Ивана Третьего. Возросшее внимание к религиозным делам выразилось в таком важном предприятии, как сооружение внутри кремлевских стен копии иерусалимского Святого храма –

Успенского собора, в дальнейшем же – в таком самоназвании Москвы, как "Третий Рим". Все это предполагало тесное сотрудничество между вершинами пирамид политической власти и власти религиозной, необходимое для того, чтобы обеспечить России более активную роль в пространстве христианского мира, соответствующую величине ее территории и политическому влиянию в Европе и в Азии, а также придать больше блеска и величия православию. Иерусалим захватывался арабами и крестоносцами, Константинополь попал в руки турок. России надлежало вернуть Иерусалим христианству и восстановить мировую славу Рима... Москва не очень преуспела в планах, связанных с "Третьим Римом". Постигла ее неудача и с Иерусалимом, т.е. с "Новым Иерусалимом". Кратко остановимся на втором вопросе.

Желание придать плоть знаковой сущности Иерусалима, представив ее как конкретную реальность глазам верующих, достигло апогея при патриархе Никоне в середине семнадцатого столетия. Никон извлек урок из обычая, который гласит, что каждый епископ наследует на земле Иисусу и его апостолам, и воспылил желанием воплотить Иисусову волю на земле России, что вызвало широкое сопротивление его единоверцев и сподвижников. Патриарх Никон стремился также во всем подражать Христу, что вызвало недовольство патриархов и епископов на Востоке и на Западе. Никон не поддавался давлению и продолжал стремиться к осуществлению своей мечты, строительству Иерусалима – "Нового Иерусалима" в окрестностях Москвы. Патриарх хотел воспроизвести нижнюю церковь Храма Господня и воспользовался услугами итальянца

Бернардино Амиго. Место для строительства было выбрано близ реки Истра, призванной напоминать верующим о реке Иордан, протекающей неподалеку от Иерусалима. Храм был действительно построен и в целом выглядел как копия изначального иерусалимского храма. Если, однако, повнимательней взглядеться в него, то бросятся в глаза и многие отличия. Это было подтверждено многими исследователями. Приведем в качестве примера имена Салтакова²³, Фарова²⁴, Гайбанита²⁵. Отличия связаны с особыми предпочтениями патриарха Никона и архитектора-строителя Амиго. В итоге сооружение "Нового Иерусалима" в окрестностях Москвы не оставило большого следа в сознании русских верующих и, возможно, рассматривалось как нечто экстравагантное – отход от прямого пути.

Возвращение к началам произошло через два века после создания "Нового Иерусалима". Оно было совершено усилиями Императорского православного палестинского общества, которое вновь пробудило в русском сознании живой интерес к Палестине и Иерусалиму, учредив школы, которых в Палестине, а также в Ливане и в Сирии в начале века насчитывалось сто одна. Их выпускниками были многие литераторы и мыслители этих стран. Общество помогало также русским паломникам, направлявшимся в Святую землю. Оно укрепляло духовную и историческую роль города-

²³ См. Салтаков А. Лиосов Владимир, Ленинград, 1974 г., Т. 28, стр. 278.

²⁴ А.Л. Фаров "К вопросу об архитектурном строительстве патриарха Никона", Публикации Академии наук, восемнадцатый выпуск, 1969 г., стр. 33-42.

²⁵ Гайбанит Н. "Исторические исследования проблемы патриарха Никона", Петербург, 1884 г., Вторая часть, стр. 1061.

символа – Иерусалима, вкладывая новые силы в любовь к Господу, и расширяло интерес России к левантийскому христианству.

Между образом Иерусалима в русском религиозном сознании в Новое время и образом Иерусалима в религиозном сознании современности – отрезок времени, в течение которого этот город пережил большие драматические перемены, изменившие весь его облик не только в демографическом, культурном и политическом отношениях, но и в отношении религиозном. Политика иудаизации Иерусалима лишила его многих исторических черт и включила в порочную международную политическую игру, оскверняющую чистоту и святость Иерусалима. Христианский и мусульманский Иерусалим – на краю гибели, а мировое христианское и мусульманское сознание не представляет себе всей глубины его падения. Поймут ли русские верующие, что их историческая память тесно связана с Вифлеемом, храмом Колыбели и Воскресения, со всеми священными достопримечательностями, которые вошли в глубины их православного сознания? Эти святыни обречены на гибель.

Настало время для появления нового Святого Георгия или Святого Григория, копьё которого поразит дракона, прежде чем дракон уничтожит нас, овладев нашей общей исторической памятью. Это – общее святое дело ради блага Иерусалима и его святынь.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. РОССИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ВОСТОКА

"Россия и православные Востока" – под таким многозначительным названием прошла научная конференция, организованная университетом Баманд в сотрудничестве с посольством Российской Федерации в Ливане 19-22 октября 1997 года. В конференции приняли участие ученые и университетские преподаватели из России, Германии и Ливана. Будучи приверженцами различных идейных направлений и методологических школ, одни собрались за одним столом, чтобы обсудить вопросы истории, политики и культуры России, связанные с Арабским Леваном вообще и православными Востока – в частности. Вопрос, поставленный организаторами конференции с самого ее начала, звучал так: Существуют ли какие-либо особенности в отношении Российского государства и Русской православной церкви к Востоку? Если такие особенности существуют, то в чем их суть? Какие причины побудили Россию в прошлом столетии и начале нынешнего официально выступить в защиту православных арабов? Ограничивалось ли дело только защитой российских интересов в Арабском Леванте? Или общая вера и попытка возродить идею "Третьего Рима", выдвинутую во времена Великого Княжества Московского, сыграли свою роль в отношении России к православной и иным левантийским христианским конфессиям? Как вошел Иерусалим со всеми его религиозными достопримечательностями в русское религиозное сознание? Каковы особенности исторических связей Антиохийской и Русской

православных церквей? Если Россия взыскует сегодня православных риз, чтобы украсить ими свой цивилизационный облик, означает ли это возрождение ее отношений со всеми православными мира?

Последний вопрос, возможно, наиболее важен с точки зрения роли всей проблематики конференции в пресловутой схватке цивилизаций – между общностью, которая рвется к звездам под флагом пресловутой мондьялизации, именуемой Тоффлером "третьей волной", и общностью, которая, избегая утраты своей идентичности, возвращается к своим истокам. В этой связи нельзя ли рассматривать различные общественные и парламентские объединения, создаваемые по религиозному или этническому признаку, как реакцию на явление глобализации?

Все эти проблемы затрагивались, пусть в разной степени, в ходе работы конференции. В нашем отзыве речь пойдет о критическом анализе ее политического и культурного аспектов.

Политическая проблематика конференции

Религия, как полагают видные философы, богословы и факыхи, обитает в просторах человеческой души, и они как бы мало их ни было, стараются не допустить ее причастности к играм земной политики. В большинстве своем люди, однако, не согласны с мнением этого меньшинства. Одни из них черпают авторитет из религии, другие – из политики, и потому политика и религия одинаково служили для них источником власти. Иногда священник одерживал верх над политиком, иногда политик – над священником.

Иногда между священником и политиком происходил разрыв, иногда они жили в согласии, разумно распределив между собой роли. Во всех случаях проблема предела их функций в обществе сама по себе сохранялась, и она сохранится до тех пор, пока религия и мир будут между собой в общении, пока священник и верующий будут вплетены в плотную ткань жизни мира и пока политик не перестанет искать легитимации своей функции в ценностной системе религии. Основанному на интересе союзу между религией и политикой суждено сохраниться, и вряд ли его движущей силой будет чистота замыслов той или иной стороны. Политика России не была исключением, хотя и обладала некоторыми особенностями, о которых шла речь в выступлениях некоторых участников конференции. Диалог был спокойным, когда речь шла о сакральном в русском религиозном сознании и о духовном общении русского православия с левантийским христианством, но приобретал остроту, когда дело доходило до политики. Политический фактор на любой конференции или собрании, как и в отношениях между государствами или цивилизациями, неизменно вызывает споры и даже антагонизм, ибо интерес одерживает верх на духом диалога и поиска общих знаменателей. Такова природа вечной борьбы человечества за власть, знание, богатство и силу. Ошибается тот, кто думает, что честность, совесть и нравственность широко присутствуют в мире политики. Политика, как ее ни приукрашивать, остается искусством возможного. История в ее целом, как и история войн или отношений между индивидами, коллективами, государствами и цивилизациями, может быть упрощенно сведена к

антагонизму между сильным и слабым. Такова сущность политики. Однако сильный и слабый представляют ее себе по-разному. Сущность остается той же, но формулы и инструменты политики меняются в зависимости от принадлежности сильного или слабого к тому или иному этносу, экономическому укладу, религии или культуре.

Участники конференции взялись за обсуждение политической проблемы, которую организаторы форума поставили в следующей форме: выходила ли Россия в своем отношении к региону за рамки естественных государственных интересов, обращаясь с местными (левантийскими) делами иначе, чем требовала того господствовавшая в то время тенденция, которой дали название "империализм"? В докладе, который сделал историк Абд ар-Рауф Санну, утверждалось, что политика России по отношению к Арабскому Леванту не отличалась от политики других великих держав. Если в ее политике и была особенность, то, по мнению докладчика, она заключалась в том, что Россия стремилась использовать свою политическую и экономическую мощь вместе с остатками силы православного и славянского мира для ликвидации остатков влияния Османской империи. Возможно, скрытые симпатии докладчика к османам не дали ему увидеть пользы, которую несли арабам и левантийским христианам отношения с Россией. Казалось также, что он был исполнен нежности по отношению к Османскому халифату, учрежденному на развалинах Византийской империи.

Доклад, представленный историком Мунзыром Джабиром, был свободен от предвзятости, которая типична, как правило, для

взглядов его коллег по профессии, обсуждающих проблемы чужой истории. Он стремился дать объективную картину левантийской политики России в восемнадцатом веке и, на наш взгляд, правильно обрисовал природу антагонизма сил, сталкивавшихся в то время в левантийском регионе. Некоторые вожди Арабского Леванта – приверженцы различных верований и конфессий – стремились к освобождению от турецкого ига, и многие религиозные общины, страдавшие от османской дискриминации и османского гнета, были заинтересованы в союзе с Россией. Для российско-арабского сближения существовало много причин. Главная из них, конечно, – это общий противник, будь он турком, французом или англичанином. Доклад Джабира полон справедливых упреков в адрес российской политики в Леванте. Один из этих упреков связан с невниманием к экономическому базису политического действия. Российская дипломатия чувствовала себя неуютно в регионе, не имея экономических структур, на которые она могла бы опереться, и ее влияние было поверхностным, в отличие от влияния других великих держав, и даже более слабым, чем влияние второразрядных государств Европы, таких, как Италия, Голландия или Австрия. Это привело не только к утрате экономических возможностей, но и выразилось в том, что православная община, на которую опиралась Россия, была, в частности, вынуждена обращаться к изучению английского и французского языков и устанавливать тесные связи с западноевропейскими представительствами, включая получение важных должностей консулов и переводчиков. Не будем забывать, что центры торговли побережья в Триполи и Бейруте находились

тогда, как правило, под контролем православных арабов. Политике России, таким образом, не хватало не только экономического размаха, но и прагматического замысла, что привело в итоге к утрате ее влияния и в политике, и в экономике, и в религии, и в культуре. Было бы полезно затронуть еще несколько аспектов внешней политики России, связанных, в частности, с ее геополитикой и ее религиозной философией. Россия, в отличие от Великобритании и Франции, не стремилась к захвату земель на других континентах, ибо и так уже занимала шестую часть земного шара, которую было весьма трудно освоить и потому занималась в основном своими внутренними делами. Русская же православная доктрина обладает особым философским подходом к проблеме спасения. В отличие от мысли об индивидуальном спасении, присущей католику, русский стремится к коллективному спасению. Мыслитель Хомяков придал этой идее философское измерение, сделав ее основой соборность – свободный союз верующих-христиан, объединенных общим пониманием справедливости и общим поиском спасения. Характеризуя гуманистические черты русской природы, ректор университета Баламанд Эли Салим оказал: "Русский видит бедность в Москве и рассуждает о бедности во всем мире. Он связывает проблемы Сибири с проблемами всего человечества, думает о собственном спасении, не забывая о спасении других. Этот вселенский масштаб мышления связан с особенностями русского характера – пониманием единства всего человеческого рода, единства истины и единства судьбы".

Вопросы культуры

У России прочные традиции связей с Арабским Левантом в области образования и культуры. Речь идет не только о советском периоде, в течение которого высшее образование в России получили семь тысяч ливанцев, специализировавшихся в области точных и гуманитарных наук, как и в творческих дисциплинах. Русское культурное присутствие было ощутимо и прежде, и тогда оно, возможно сыграло еще большую роль в развитии образования и контактов в области культуры и религии между русскими и левантинцами. Императорское православное палестинское общество, о котором шла речь в докладах Лесового и Саада Салима, разработало методику преподавания языка, литературы и естественных наук, вызывавшую восхищение всех деятелей образования в Леванте. Оно ознакомило левантийского читателя с научным, духовным и литературным наследием России и мира. Оно старалось повысить статус арабского языка, чем резко отличалось от религиозных миссий других стран. Оно стремилось арабизировать православную церковь в Палестине и других странах Арабского Леванта, укрепляя ее самостоятельность, которой пренебрегали властные и религиозные структуры, пытаясь даже ее ликвидировать. Деятельность Общества сделала более тесными религиозные связи России с Левантом, как и связи в области образования, прежде всего с православными общинами. Палестинское общество содержало 103 школы, открытых для всех конфессий, и выпустило порядка 20000 учеников. Внимание к его деятельности проявлялось на самом

высоком уровне. Племянник царя великий князь Сергей Александрович был попечителем Палестинского общества со времени его основания до 1905 года.

После его смерти пост попечителя перешел к его вдове великой княгине Елизавете Федоровне. Пиком педагогической деятельности Общества стало открытие в Бейруте в 1913 году первого в Леванте русского университета. Связи России с левантийским православием сохранялись и после начала Второй мировой войны, и после свержения большевиками царизма, но интенсивность их стала быстро спадать. Одной из целей конференции, устроенной в Баламанде, и было возрождение связей между российской и арабо-levantийской цивилизациями – при посредничестве православия, укорененного в его арабизме и в его локальном окружении.

На конференции речь шла не только о проблемах культурного сотрудничества между Россией и Левантом. Ее интересы были шире. Обсуждались также вопросы самобытности русской культуры и ее связи с православием во всем мире, включая арабо-levantийское православие. О религиозном измерении русской культуры говорят все работы русских ученых. Почему этому измерению уделяется столько внимания в их исследованиях? Ответ на этот вопрос, завершающий нашу статью, возможно, нужно искать в тех цивилизационных раздумьях, которые вызывает у русских людей их настоящее и их будущее, их отношение к сущности национальной культуры и к сущности космического православия.

Русское культурное наследие во всей полноте его знаковости связано с историческими корнями национальной самобытности, а

также с отличительными признаками, которые делают личность русского человека такой, какой она есть сегодня. Твердое ядро этой знаковости подвержено, однако, как воздействию Запада, так и влиянию Востока, и совершает попеременное движение – то в направлении полюса желаемого подобия, то полюса защитительного антагонизма. Антиномия Восток-Запад в сознании России, как и в сознании нашего Арабского Леванта, вызывает определенную отрицательную напряженность в системе Я и Другой, вытекающую из столкновения ценностей экспериментально-прагматического Запада с метафизической духовностью Востока. Русский разум неизменно спрашивает себя: относится он к Западу, или же принадлежит Востоку? Или находится где-то посередине? Каковы его характерные черты? Какая политическая и экономическая модель наиболее подходит для России? Этот разум по-прежнему разрывается между тремя идейными течениями – западничеством, славянофильством и европоцентризмом, переживая состояния напряженности и антагонизма. Каждое из этих течений спрашивает себя, совместимо ли оно с одним из двух других. Попытка найти связь между Я и Другим всегда остается благой надеждой и не обращается действием. Идея сближения остается благим пожеланием, и общение с ним никогда не достигает уровня полной совместимости. Прислушаемся же к голосу России, который прозвучал на конференции, призвав отмежеваться от традиционной триады, пусть у этой концепции не очень-то много сторонников в кругах российской политической и интеллектуальной элиты: сущностью русской культуры, сокровищницей ее духа и залогом ее

полноценной жизни является православие. Православие несет России душевный покой и залог длительности ее бытия. Два доклада привлекли в этой связи внимание – Татьяны Наршантасской, построенный в философском и социо-культурном ключе, и Валерия Алексеева, сделанный с позиций политолога. Марксизм, как известно, оставил за собой вакуум, ограничив философское и политологическое мышление в России одним единственным методом. Некоторые пытаются заполнить его старо-новым идеологическим дискурсом. Татьяна говорит в этой связи о новой роли русской культуры в пост-византийском культурном пространстве. Она видит ее будущее не в подражании западным образцам цивилизации потребления, обещающим "молочные реки и кисельные берега", и не в возвращении к коммунистическому прошлому, которое всячески отрывало Россию от ее духовных корней, а в возрождении величия государства, опирающегося на великое цивилизационное и культурное наследие России, большой рационализм в управлении делами русского пространства и новую философию, призванную обеспечить православию центральное место в культурном облике России, что требует "углубления контактов с русским православием, а также с православием за рубежом, включая арабо-левантийское православие, наиболее близкое к колыбели миссии Господа". Алексеев в политическом плане был не далек от мысли своей соотечественницы, высказавшись в за создание православного парламентского объединения не только на уровне России, но также Европы и мира. Начало этому процессу положило создание в 1994 году Европейской парламентской ассоциации.

Алексеев предложил расширить число ее участников за счет представителей Ливана, Сирии, Палестины и Иордании, а также других стран Востока.

Реакция на идеологемы типа "столкновения цивилизаций" или "конца истории" не может выражаться в исключительной опоре на самобытность религиозности и самобытность культуры. Необходима программа взаимодействия и диалога цивилизаций. Нарциссическое любовование собой не принесет пользы в борьбе против глобализма. Движение человечества, обращенное против сильных мира сего, тем больше набирает темп, чем больше проникается идеями мира, социальной справедливости и свободы для всех, – общими для всех людей доброй воли. Выказывать немного пыла полезно для малых этносов, которым угрожают сильные, выказывать много пыла – вредно. И если уровень пыла конференции в Баламанде был не столь значительным, значит, она выдержала испытание, сделав шаг в направлении благотворного взаимодействия и конструктивного диалога, в котором каждый из нас чувствовал себя самим собой и видел в другом союзника, открытого для сотрудничества, призванного укреплять сильные стороны друг друга.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. РЕЛИГИОЗНОЕ И СВЕТСКОЕ В ЛЕВАНТИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Арабы Леванта и современность

Жестокий натиск модернизации обрушился на Ближний Восток, и ему мы в значительной мере обязаны подрывом интеллектуальных и нравственных структур наших обществ. Однако, реакция на эти процессы далеко не всегда способствует развитию цивилизованного, целенаправленного творческого действия. Она зачастую предстает как препятствие на пути радикальной модернизации с помощью сохранения староотеческих, патриархальных структур, фольклорных основ поведения и мышления. В этом отчаянном соревновании с прогрессом, неравном состязании между цивилизационно сильным и цивилизационно слабым, слабый будет проигрывать до тех пор, пока не возникнут культурные и социальные предпосылки, способные революционно преобразовать активные силы общества и вызвать к жизни те начала, которыми обладает Запад как его соперник, – рационалистические и светские ценности в области мышления и морали. Тогда-то объект внешнего воздействия сможет достойно вступить в битву за первенство и развитие. Пока еще Ближний Восток, несмотря на титанический вклад в создание цивилизации минувших веков, привнесение духа в отдаленнейшие уголки ойкумены, все еще блуждает в мире горнем и мире дольнем пленником видения, в котором наука представляет слабейшее звено. Преимущество Запада

перед нами – не в цвете человеческой кожи, не в силе мышц, не в особенностях климата. Превосходство Запада – науке и ее применению на практике. В его основе – новое видение бытия, строящееся на убежденности в том, что история мира и человечества открыта в будущее. Индивид при этом видит и знает себя как деятельного члена человеческого общества, находящегося в состоянии развития. Философия истории, определяющая его взгляд на мир, внушает ему чувство собственного превосходства, а светское миропонимание обретает уверенность в том, что с развитием научной мысли человек достиг совершеннолетия.

В самом деле, ничто не способствует в большей степени развитию такого чувства, как наука. Никогда порядок, метод, логика и закон не управляли бы жизнью современного гражданского общества, если бы не произошло сознательного размежевания между религиозными и мирскими делами, равно как и достижения согласия и гармонии между ними в некоторых областях. Однако, равновесию между религиозным и светским в нашем арабо-мусульманском мире по-прежнему мешают некоторые характеристики нашего культурного наследия и менталитета.

Если взглянуть глазами антрополога на типичные высказывания, какими бы различными ни были их источники, относительно соотношения божественных и человеческих начал, изучить участие некоторых религиозных деятелей в политике и отношение политиков к религии, нельзя не увидеть существенного совмещения религиозных, политических и чисто мирских аспектов. Религия и мирские дела для многих составляют целостность в рамках

так называемого «общества, где правит единый Закон», или, как говорят другие, «союза с Богом». Подчеркнутое невнимание к насущным проблемам нашего бытия в мире и консерватизм являются характернейшей чертой таких рассуждений. Потому настоятельно необходимо подвергнуть исследованию содержание арабского религиозного и светского сознания с целью разрушить некоторые закоренелые стереотипы. Решение этой задачи требует, естественно, социологического, философского, богословского и психологического подходов. Данная работа не претендует на такую полноту, так как требуются коллективные усилия, которые сблизили бы сферы внимания различных научных дисциплин и помогли бы обеспечить необходимую междисциплинарную координацию с тем, чтобы распутать нити этой сложной проблемы и высветить ее суть, подвергнув научному анализу. Современные науки и современная методология, по словам арабского философа Аркуна, «освобождают социологию и философию от приверженности ценностям, ограниченным одной религией, одной исторической траекторией, судьбою одной общины»,²⁶ и создают универсальное основание для объективного понимания духовных процессов.

Для чего нужна наука религий?

Религия длительное время находилась вне сферы научного осмысления, пока в гуманитарных науках не были выработаны

²⁶ Мухаммад Аркун. «Где она, современная мусульманская мысль?», Дар-ас-сафи, Бейрут, 1992, с.?

принципиально новые методы познания. Это делалось в основном на Западе, где научные методы получили развитие в течение двух последних веков. Однако, мыслители Ближнего Востока продолжали повторять термины и понятия, заимствованные из различных областей средневекового культурного пространства. Так возникли два взгляда на религию и мир: один — научный, исполненный динамики, допускающий развитие, другой — ретроградный и статичный. Первый из них укоренился в умах в новое и новейшее время, будучи способом перевода культурных ценностей из сферы традиционного знания в сферу светской культуры. Здесь-то и произошел существенный эпистемологический разрыв со старыми представлениями, которые предписывали людям следование божественным законам, а обрядам и вещам — священный характер. И здесь же была предпринята попытка преодолеть метафизику и иррационализм на основе научного познания.

Люди стали реально убеждаться в том, что загадки и великие случайности, принимавшиеся ими ранее за чудеса, на деле состоят из элементов, которые могут быть подвергнуты анализу и синтезу разумом человека. С развитием научно-рационалистического подхода гуманитарные науки в огромной степени расширили свои возможности исследования реальных явлений жизни, причем каждая из них исходит из собственных понятий и категорий, собственной конкретной и прагматической методики. В новой и новейшей истории начинается время специализации, обмирщения мысли, структуризации общества за счет той роли, которую ранее, особенно в век Веры, выполняли религиозные структуры. Отныне становится

явным различие в формах человеческого сознания, подтверждением чему служат различные относящиеся к делу наглядные примеры. Это находит отражение в различных областях познания, включая познание религиозное. Даже современный богослов в обращении с материалом своих исследований обращается к новым научным авторитетам. Многие из богословских работ, обращенных к мировоззрению образованного верующего, ближе к современной философии и психологии, чем многие из классических священных писаний.

Среди современных наук появились специальные дисциплины, изучающие религиозное сознание, такие, как религиозная антропология, история, социология и философия религии. Они с разных сторон раскрывают современные взгляды на взаимоотношения между религией и обществом. Задача таких исследований — показать с помощью научной методики влияние религии на общество и на его культуру и вместе с тем влияние общества и культуры на содержание религиозного сознания и назначение, выполняемое в жизни человека религией. Социология религии стремится изучать отношение религии к формированию исторической памяти и представлений, которые строят о себе община, семья, племя, род и нация. Социология не отрицает религиозности и веры с позиций разума и морали. Она выявляет значение религиозных взглядов на мир и жизнь, в основе которых — иерархия символов, устремляющих взор человека к высшим истинам, а также стремится приблизиться к изучению религиозного сознания, основанного на совокупности принципов и обрядов, имеющих

отношение к сакральному и запретному. В исследовании, исходящем из социологического видения, речь должна также идти о религиозном институте и его деятельности вообще, будь то церковь, мечеть или святилище. Таким образом, социология религии подразделяет свой предмет на четыре части: обряды, вероучение, опыт и институты, связанные с религией. Под этим углом зрения научный анализ выявляет отношения верующего к жизни и смерти, миру и обществу, смысл обязательной обрядовой практики, основанной на следовании определенным повседневным нормам, в том числе и на упражнении тела и духа при совершении молитвы. Требуется, далее, изучение психологического состояния верующего в момент интуитивного прозрения, при обращении к символам и смыслам веры. За этим логически следует анализ смыслов, знаков и символов, характерных для религиозного сознания, которые усваиваются дома или в школе, с целью постичь глубину понимания индивидом основ веры. Усилия этих трех направлений позволяют определить, каков нравственный облик верующего и каково влияние религиозных норм на него и на окружающую его жизнь.

Научное исследование столь важного явления, определяющего особенности сознания и поведения человека, весьма полезно для постижения сущности религиозности вообще и понимания исторических и психологических причин формирования тех или иных общин и сект, для выявления глубинных причин конфликтов и войн, формирования строгих догматических установок, а также для установления источников политизации религии и использования ее в каких-либо специфических целях.

С накоплением научных и богословских знаний душа человека устремляется навстречу подлинной религии. Человек начинает по-разному относиться к религии и делам мира. Дело в том, что религия помогает достижению внутренней гармонии личности, принося утешение и душевный покой человеку, на которого накатываются волны разочарования, безнадежности и сомнения. Религия несет ему духовную пищу, придавая его жизни надежду и смысл, плод которых — мир в его душе, и помогая преодолеть ощущение отчаяния и бессилия перед лицом жизненных треволнений и драматических перемен. По словам Б. Малиновского, «религия проявляет себя в явной форме в периоды острых жизненных кризисов, например, в случае смерти. Потому очевидно, что религия есть средство, к которому прибегает человек в поисках выхода из таких состояний, когда перед ним закрыты все иные пути»²⁷.

Сколько бы оригинальных идеологем ни создали современные этика и близкие дисциплины, при всей важности их открытий, религия остается одним из фундаментальных компонентов, составляющих в человеческой душе нравственную преграду перед совершением поступков, которые в духовных книгах принято именовать «злом». Чем дальше социологическое рассуждение, философский разум и богословская мысль углубляются в религиозный опыт, тем нравственней, возвышенней и содержательнее предстает значение религии в обществе.

Итак, научное отношение к религии открывает широкий простор перед разумом и духом человека для более глубокого

27

познания религиозных и мирских дел, помогая в то же время устранить многие преграды между различными общинами, уходящие корнями в различия культур или психологических характеристик личности, ибо предмет внимания научного религиоведения – это прежде всего социальная роль и само назначение религии. В этой связи просвещенный клирик не должен упрекать светского эрудита, если тот в обилии обрядов и обычаев, излишне строгом следовании букве писаний, нежелании рационально мыслить, чтобы «не изменять тексту Писания», видит нечто, похожее на религиозное сектантство, которое, слепо придерживаясь обрядовости, жертвует общими принципами религии. По мнению ряда видных мыслителей-богословов, на Востоке большей частью приходится иметь дело не с религиозным сознанием в возвышенном и глубоком смысле слова, так как существует прежде всего только повседневное конфессиональное сознание. В этих словах много правды, если вспомнить о наших конфессиональных структурах и о тех традиционалистах, которые управляют их делами. Подлинная же вера, по словам американского религиоведа Уолтера Стейса, таится «в святая святых человеческого сердца и входит в самую сущность человека, точно так же, как разум»²⁸.

Верующий – это тот, кто, признавая умом и сердцем автономию существующего миропорядка, способен в то же время всем своим существом идти по пути спасения, для которого обращение к религии наполняет жизнь покоем, блаженством и

²⁸ Уолтер Стейс. «Время и вечность», пер. Зикрия Ибрахима, аль-Муасса аль-Ватанийя ли-т-таба ва-н-Нашр, Бейрут, 1967, с.40

смыслом. Такого состояния ему не достичь иначе как путем искренней и возвышенной веры. В этой связи рационалист, обязанный частью своей эрудиции социологии религий, может помочь верующему освободиться от гнета мирских дел и созданных людьми сложных условностей, вернув его в то состояние, в котором религия является источником святости каждой человеческой души.

Опасность разобщенности и политизации

Как мы нередко убеждаемся на опыте истории, наибольшая опасность для религии возникает тогда, когда ее увлекают на пути сектантской обособленности или заставляют выполнять роль, являющуюся исключительной прерогативой политики. В этом последнем случае религия неизбежно вовлекается в конфликты, существующие между человеческими коллективами.

Призвание религии — позитивно влиять на человеческую жизнь. Важно, чтобы носитель религиозного слова понимал допустимые пределы участия религии в общественных и политических делах, а ученый — грани ее причастности к улучшению условий существования человека. Четыре вида опасности вытекают из преобладания политики над религией.

Во-первых, опасность установления контроля над личностью и подавление духа сопротивления социальному злу, психологическому насилию и экономическому гнету путем поощрения установки на признание существующего положения и на отказ от действия, на отстранение от участия в общественных делах;

Во-вторых, опасность сговора между политиком и клириком, объединенными поиском прагматической выгоды. В этом случае политик прибегает к помощи клирика с целью найти защиту перед небесным судом, а клирик обращается к политику, чтобы найти защиту в мирской жизни.

В-третьих, опасность, исходящая от сторонников тоталитарной установки в религиозных делах. С ее помощью они пытаются установить контроль над всеми формами общественного сознания, утверждая, что религия всеобъемлюща по природе.

В-четвертых, опасность, исходящая от сторонников жесткого конфессионального подхода – догматиков, создающих высокие и весьма опасные преграды между людьми, принадлежащими к различным вероисповеданиям. В результате культивируется разобщенность людей, принадлежность к определенной религиозной общине, а не к родине или к нации.

Такие опасности вытекают из умонастроений и поведения многих народов, однако их проявление отличается наибольшей силой в наших обществах, где появились фундаменталистские мусульманские, христианские и еврейские движения. Они-то и произвели на свет «интеллектуалов», которые стали пропагандировать мораль, основанную на узко конфессиональных ценностях и обрядах, на эмоционально значимой символике, с целью идеологической мобилизации своих сторонников, используя при этом категориальный аппарат, прикрытый налетом святости. По сути все эти движения направлены на достижение определенных политических целей. Из официальных и иных уст звучат слова,

насыщенные символикой, восходящей к представлениям времени Средневековья, когда существовало некое смешение между вечным и временным, что исторически, правда, могло иметь объяснение. По словам Аркуна, причина тому — «история халифата, вписанная в идейную атмосферу Средневековья, где пространственно-временные рамки воображения и понимания не допускали различия между ними»²⁹. В поведении политизированных сообществ весьма опасны попытки оправдания их антидемократических действий неким видом религиозной законности, т.е. утверждение, что они ведут борьбу под знаменем Священного Писания, что в таких сообществах, как наше, вызывает широкий отклик в сердцах народных масс. Фундаменталисты хорошо знают, что воображение и сознание народа очаровываются святостью приверженцев Книги.

Взаимоотношения религиозного и светского сознания

Несмотря на попытки утвердить приоритет озарения или его антипода – разума и на старания идеологов и теологов занять место друг друга, со времен далекого прошлого – эпохи зарождения религиозной мысли – существуют противоречивое взаимодействие между религией и обществом. Было бы необъективно преуменьшать влияние религиозных дел на мирские и мирских — на религиозные. В самом деле, нельзя понять перемен в религиозном сознании, не постигнув смысла трансформаций, которые происходят в сознании

²⁹ Мухаммад Аркун. «История арабо-мусульманской мысли», Ма'хад аль-Инма аль-Каумий, Бейрут, 1985, с.285.

общественном. Религиозное сознание нельзя рассматривать вне связи с временем и обществом. Понять какую-либо из его составляющих невозможно, не принимая во внимание комплекса условий и перемен, в которых живет то или иное общество.

При изучении истории религиозной мысли нельзя понять ее эволюции вне связи с изменениями в материальных условиях существования человека и в его культуре. В процессе исторического развития никогда не прерывались отношения взаимодействия, притяжения и отталкивания между религиозными представлениями и представлениями политическими, философскими и социальными.

Религиозное сознание, существующее изолированно в рамках отдельной общины, при определенном общественном строе, совсем не то, каким оно могло бы быть, если бы эта община находилась в контакте с иными общинами или религиями. Жизнь вне связи с иными народами или нациями накладывает свой отпечаток. Потому нельзя изучать отношения между людьми разных конфессий — соседского взаимодействия или отчужденности — на базе одних лишь религиозных источников, включающих Священное Писание, экзегетику и обрядовую практику. Необходимо идти дальше, исследуя теории и политические решения, которые разрабатываются политической властью, общественными и культурными институтами.

Изучив структуру искусственного смешения светского и религиозного типов сознания, перейдем к выявлению пунктов различия между ними. И то, и другое вправе разъяснять свои символы, представления и концепции. Так, религия открывает перед человеком духовные смыслы и нравственные принципы, и в этом ее

позитивная роль. Светское просвещенное сознание с тем же правом выражает свои взгляды и воплощает их в жизнь. Наука, в частности, занимается социальными проблемами, вопросами политики, экономики и культуры, и ее назначение — в том, чтобы постичь и изменить окружающий человека мир.

Здесь необходимо провести принципиальное различие между верующим сознанием и сознанием научным, чтобы не создавать искусственной и нарочитой путаницы, не осквернять веры жизненными сложностями и не связывать человеческий разум путами мертвых банальных догм. И тогда вера и разум, не бросая друг другу вызова и не вступая в схватку, найдут присущие им места и даже окажутся в равновесии. Религия при этом будет далека от участия в перипетиях человеческого опыта, связанного с производством материальных и культурных ценностей, и сохранит свою функцию поддержания высших принципов человеческой морали, высших духовных измерений сакральных начал в человеческой жизни. Существенное значение имеет тот факт, что предмет веры и предмет разума по природе своей иные. Между ними нужно провести определенную границу, чтобы ни с той, ни с другой стороны не возникало искушения установить свою гегемонию, а наоборот, преобладало бы стремление к обогащению общественной мысли и накоплению внутренних сил общества.

Какова сущность религиозного и светского сознаний? Каковы их гносеологические корни и экзистенциальная роль? В умах многих наших политиков и представителей духовенства здесь существует очевидная путаница. Нередко религиозные деятели и движения

соединяются с политикой и стремятся установить тотальный контроль над обществом. Постараемся разграничить эти сферы.

В нашем понимании ответственные политические лидеры призваны видеть действительность во всей ее сложности, с ее конфликтами, надеждами и разочарованиями различных групп населения. Власть имеет тенденцию к упрочению, если она опирается на рациональные методы для достижения своих целей, стремясь при этом сохранить контроль над факторами, которые находятся в сфере ее влияния, и распространить его на те, которые ей неподконтрольны. Политик организует и направляет политическую жизнь общества, исходя из своих представлений об источниках ее силы и слабости. Потому он должен опираться на практическое мышление, охватывающее все стороны жизни человека. Политика, как известно, сталкивается с трудностями и нравственными катастрофами и одерживает верх лишь в случае, если опирается на силу. В таком смысле политика и есть борьба за обретение силы, за установление господства над явлениями и фактами. Проблемы политики — это проблемы силы и власти, которая стремится проникнуть во все поры человеческого общества. Потому она нередко аморальна.

Религиозное же слово таково, что его духовный носитель выполняет на уровне человеческого сознания важную роль стимулирования перемен в области представлений, символики и духовной связи с жизнью и космосом. Сфера его деятельности исключительно важна. Это — мир человеческой интуиции и чувств, одетых в одежды святости, то есть духовная и нравственная сторона жизни и души человека. Потому, оберегая чистоту, непорочность и

возвышенный характер своей миссии, духовное лицо не может входить в мелочи политической игры. По словам арабского философа аль-Джабири, «религия представляет собой абсолютное и неизменное, политика — относительное и меняющееся. Политика движима интересом и направлена на получение выгоды. Религия должна быть свободна от этого, иначе она утратит свой дух. Религия объединяет, а не разделяет. Политика же действует там, где существует раздор»³⁰.

На теоретическом уровне политический дискурс, словарь его понятий и терминов отличаются от словаря религиозной мысли. Размышляя, политик не обходится без таких понятий, как государство, власть, сила, суверенитет, свобода, справедливость, право, закон, революция, консерватизм, демократия, тоталитаризм, либерализм, социализм и многие другие термины и определения, входящие в политический словарь. В рассуждениях же духовного лица преобладают такие слова, как Бог, ангелы, святые, дьяволы, дух и душа, вечность, тленное, сакральное, нечистое, грех, прощение, рай и ад, смерть и жизнь, как и многие иные понятия и термины, относящиеся к высшим сферам религиозного мышления.

Итак, политическое и религиозное во многих отношениях, теоретических и практических, различны. И все же, несмотря на такое различие, очевидное и необходимое, политика и религия самостоятельны не в полной мере. Они связаны прочным, непосредственным или отдаленным, отношением к мирским делам.

³⁰ Аль-Джабири Мухаммад. «К пересмотру проблем современной арабской мысли», аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, Дар аль-Байда, Бейрут, 1992, с.114.

В основе религиозного подхода лежит вертикальный взгляд на мир и вещи, историю и положение человека как на иерархию духовных состояний и стадий спасения. Светский же подход — это горизонтальный взгляд человека как участника жизни, как реалиста и экспериментатора. Конечно, и верующий не лишен уважения к реальности и связи с нею, пусть лишь в мере, отвечающей уровню его понимания и опыта. Нет сомнения, что и носитель светского сознания не избавлен от стремления к высшим идеалам и духовным поискам. Когда же на определенных этапах развития того или иного общества соперничество между ними усиливалось, религиозный и светский подходы, утрачивая чисто духовную природу первый и чисто рациональную — второй, обретали характер политической функции. Это привело к формированию на Западе, новой цивилизационной ситуации, к утверждению приоритета прогресса, опирающегося на независимый человеческий разум. Общеизвестны ее успехи в создании материальных основ гражданского общества. Однако, эти успехи отнюдь не привели к утрате религиозного чувства и интереса к метафизике. Напротив, были открыты новые горизонты для изучения сущности истины, мира, человека и цивилизации с опорой на мудрость видных теологов и иерархов церкви.

Человек в светской перспективе стремится к достижению убедительного и полноценного согласия между собой и Богом. Он не хочет жить в одном лишь материальном, историческом измерении и испытывает насущную потребность в духовной пище, жаждет выйти за пределы горизонтального, земного и тленного на встречу с абсолютным и высшим.

Вместе с тем, мы не нуждаемся в той экстремистской форме светского подхода ко всем без исключения общественным делам, который господствовал на Западе во времена его борьбы с церковью. Это не значит, что мы не нуждаемся в светском подходе вообще. Наоборот, такой подход необходим нам для того, во-первых, чтобы осовременить наше мышление, и во-вторых, чтобы модернизировать наши институты. Светское сознание – историческое достижение всего человечества. Это – мощное и эффективное оружие, прежде всего в руках тех, кто борется против невежества и отсталости.

ПЯТАЯ ГЛАВА. СООТНОШЕНИЕ МИРЯНИНА И СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ: ОПЫТ ПРАВОСЛАВИЯ ЛЕВАНТИЙСКОГО ВОСТОКА

Это исследование проливает свет на отношение мирянина к власти служителей культа в рамках церкви и за ее пределами. В качестве примера избрано отношение православия к вопросам свободы и политики, а также отношения притяжения и отталкивания, существующие между восточно-православной церковью и ее паствой из числа верующих и мирян.

Православие и философия свободы

У православия своя философия, и некоторые выдающиеся умы проследили ее отношения с собой и отношения с приверженцами других религий. Православное христианство это напряженность и соединение любви к божественной выси с любовью к несчастным страдальцам. Русский мыслитель Хомяков отстаивал свободный выбор человека, и он же ввел термин «соборность», обозначив им свободный союз между верующими христианами, исходящий из общего понимания справедливости и общего стремления к спасению. Этот союз основан на общей любви к Христу и к божественной справедливости. Принцип свободы для православного достигает ступени святости. Виднейший русский философ двадцатого столетия, Николай Бердяев писал: «Я против такого православия, которое пытается ограничить или уничтожить мою свободу, будь то

политическую или религиозную.»³¹ В этой связи Бердяев рассматривает свободу в широком плане, стремясь найти ее горизонтальное и вертикальное измерения. Свободный человек для него восходит посредством творческого труда ко всей полноте экзистенции. Православная философия учит своих приверженцев, что дух и свобода это одно и то же. Сергей Булгаков, другой русский православный мыслитель и богослов, отделяет православие от оков политических режимов и партий, подчеркивая: «Не существует никакой прочной связи между православием и тем или иным политическим режимом, и православные могут придерживаться различных политических убеждений. Этот вопрос связан с их политической совестью и мудростью. Православие свободно и не обязано служить тому или иному политическому режиму. У него не политическая, а религиозная миссия, стремящаяся растворить власть в церковной атмосфере. На его хоругви нет ни меча, ни шита, или символов церковной власти, воплощенной в примере папской власти. Отсюда мы понимаем, почему оно не считает себя католическим: оно не принадлежит ни папе, ни императору»³².

Отсюда вытекает неучастие православия в делах политики в узком смысле этого слова — делах, которые относятся к компетенции людей, не связанных с церковью. Эта точка зрения не раз высказывалась восточно-христианским мыслителем митрополитом Жоржем Хадаром. В одной из статей в газете «ан-Нахар» он писал:

³¹ Н. Бердяев, «Мечта и действительность», перевод на арабский Фуада Камина, аль-Хайа аль-мисрийа аль-амма лиль китаб, 1984, с.64.

³² С. Булгаков, «Православие», Терра, М., 1991. С.241-242.

«Церковь столь же далека от града земного, сколь любовь далека от ненависти. Все желают, однако, вовлечь ее в земные дела. Так поступает сам высший клир, желая приобрести авторитет у людей власти. Так поступает власть, желая поработить церковь и сделать ее частью града земного. Земля же не есть прибежище Господа»³³. Эти слова относятся скорее к позиции других христианских конфессий, чем к позиции православной церкви, учитывая ее отношение ко многим вопросам локальной и международной политики.

В философской мысли В. Соловьева, отца А. Меня и других авторов сделан особый акцент на определении пунктов различия между взглядами восточного христианства и взглядами христианства западного на многие вопросы, связанные с внутрицерковной жизнью и отношением церкви к миру. В организационном устройстве восточной церкви нет места для тирании клира с его демонстрируемым верховенством и строгой иерархической структурой. Ее постоянная забота утверждение принципов согласия, взаимной привязанности и соборности в отношениях между клиром и мирянами, а также утверждение роли церкви как воплощения живой и вечной любви.

На Ближнем Востоке православие первым приняло сторону арабизма и антиохийского патриархата. Оно воплотило в себе высшие устремления восточного христианства. В его отношениях с арабским или мусульманским окружением в течение почти всей истории их общения не было серьезных столкновений.

³³ Митрополит Жорж Хадар, «Обладает ли церковь властью?», «ан-Нахар», 12 ноября 1988 года. (на арабском языке).

Таковы начала, по-прежнему лежащие в основе взглядов православия на вопросы политики и образования, как и в целом на мирские дела. Тем не менее, хотя выдающиеся православные умы утверждали значение этих начал, они далеко не всегда звуча с необходимой четкостью. Вторжение политики в религиозные дела и клирика в дела «кесаря», как и явления застоя в богословском подвижничестве, в иные времена приводило к упадку или потрясениям, большим или малым, в зависимости от того, каким было отношение широко мыслящих научных кругов к догматически мыслящему клиру и отношение церкви к тому или иному политическому режиму.

Церковь между религией и государством

Существенным предметом нашего исследования является отношение мирян к власти служителей церкви в религиозных и мирских делах. В качестве примера будут использованы суждения, высказанные в устной и письменной формах на первом светском православном конгрессе, состоявшемся в Бейруте 13 октября 1994 года³⁴.

Тому, кто слышал или читал выступления и рекомендации его

³⁴ Обращаем внимание читателя на то, что автор не может опираться на опубликованные источники, указывать места издания и нумерацию страниц, потому что выступления участников и их письменные сообщения до сих пор не опубликованы. Потому автор опирается на материалы, распространенные оргкомитетом конгресса во время его работы, на услышанное им во время дискуссий и на публикации газет «аль-Диар» и «ан-Нахар» 14 октября 1994 года.

участников, не могли не броситься в глаза многие термины и понятия, которые бытуют не только в просвещенном сознании верующих христиан, но и в умах большинства простых людей в нашей стране и на Ближнем Востоке. Представления о государстве, народе и даже нации во многом связаны с религиозной символикой, создавая такое соединение светской и религиозной сфер, что зачастую нельзя понять, в чем сходство между ними и в чем различие. Например, нередко употреблялись такие концепты, как «христианская нация» или «христианский народ», выражающие взгляды на церковь как на государственную структуру, существующую саму по себе, а на высший клир как на сообщество, обладающее всеми атрибутами и инструментами власти в системе отношений между правителем и подданным. Такие идеи выражались служителями церкви, которые рассматривают себя как воплощение полноты духовной и светской власти. Несмотря на справедливые по существу замечания, что церковь не государство, и ей необходимо заниматься сугубо духовными делами, высказывались общеизвестные мнения, что главе духовной власти в Ливане принадлежит последнее слово в выборе или назначении министра, высшего чиновника или служащего в государственных учреждениях.

Как многие служители церкви путают свои духовные обязанности с мирскими, так поступают и миряне. Причина тому привычное смешение религиозных и мирских принципов социальной жизнедеятельности.

Там, где сохраняется не критическая привязанность к устаревшим типам мышления, создается благоприятная почва для

многих различных по форме и содержанию трений и конфликтов. В нашем обществе ни в теории, ни на практике не возникает рационалистических и светских ценностей, которые помогли бы формированию гражданского общества, проводя четкую границу между религиозными и мирскими делами. Гражданская война еще более укрепила роль конфессии в ущерб интересам законности и гражданского общества. Потому служители церкви, видя, до какой степени люди разочарованы в своих политиках, партиях и милициях, вынуждены были заниматься мирскими делами, отойдя от духовного окормления своей паствы. О такой опасности и предупреждал один из наших известнейших богословов в начале пятидесятых годов: «Наши митрополиты вынуждены выступать в роли вождей политических сообществ, подобных малым этносам, что уводит их в сторону от Царства Божия и спасения души. Если перед ними открываются врата политики, то наносится вред делу духовному, ибо политика пагубный соблазн, а мудрый бежит от соблазнов»³⁵.

Принципы отношений между мирянами и клиром

Существенное значение в регулярном взаимодействии между религиозной и светской сферами имеют принципы, определяющие отношения между мирянами и клиром.

Дело в том, что сумма взглядов мирянина не раскрывает с полной ясностью существо задачи, которую ему предстоит

³⁵ «Антиохия обновляется», журнал «ан-Нур», с.121, без даты публикации (на арабском языке).

выполнить в гражданском обществе, как не проливает достаточно света и на роль, принадлежащую в церковной общине духовному лицу или на обязанности, которые в гражданском обществе выпадают на долю такого лица. Равным образом и сумма взглядов служителя церкви не устанавливает границ его присутствия в мире и не определяет особого места для мирянина в отдельном приходе и в церковной организации в целом. Потому существует настоятельная необходимость отделить религиозное и светское сознания во избежание смешения между ними, возникающего естественным или искусственным путем.

Мирянину нужно различать личное и духовное в образе мысли и в поведении служителя церкви и всячески поддерживать духовные начала. Какая беда в том, что верующий являет привязанность к степенному, достойному иерарху, исполненному идеалов благочестия и ревностно служащему интересам своей паствы и общества? Скажем больше, церковный служитель, обладающий такими достоинствами, духовно и нравственно необходим обществу, приближающемуся с опасными темпами к «цивилизации потребления», в основе которой лежат варварское господство сильного над слабым, пугающая привязанность к бездуховной потребительской культуре и власть разнузданных инстинктов.

Если же служитель церкви отошел от правильного пути проявляет высокомерие, сблизился с властью «кесаря», использует деньги и имущество паствы в корыстных целях, замешан в сектантском подстрекательстве мирянину нужно в первую очередь использовать легальные средства в рамках общины, проявляя

максимум терпения в отношении оступившегося пастыря в сочетании с почтительной сыновней оценкой содеянного. Первое слово в суждении о духовном лице принадлежит священному собору, второе слово — сообществу его собратьев по вере.

Речь идет о том, чтобы внести серьезные коррективы в жизнь церковной общины, теснее соединив религиозное сознание с Господом и приобщив верующего к строительству гражданского общества, где проведена четкая граница между религией и мирскими заботами, помогать этому вполне законно. Однако если требуется исправить что-либо внутри церковной общины, нельзя выходить за пределы пространства, в чьем небе вращается религиозное сознание. В таких делах приоритет должен принадлежать ученому-богослову и дипломированному гуманитарно-религиоведу. Если требуется изменить что-либо в гражданском обществе, нельзя выходить за пределы пространства, в котором вращается сознание политическое, правовое и экономическое.

Благочестие служителя церкви, как и его познания в области богословия и философии, — главный критерий компетенции. Это положение весьма важно для церкви, и без такой религиозной культуры священник нередко совершает ошибки, наносящие ущерб самой религии и ее отношениям с обществом. Подлинный священник держит перед глазами слова апостола Павла: «Итак, внимайте себе и всякому стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровью Своею» (Деяния, 20—23).

Самый главный критерий — близость священнослужителя к

миссии христианства, которое пришло на землю не в поисках мирской славы или власти, а для того, чтобы «взыскать и спасти погибшее», согласно апостолу Луке (Лука, 19—10). О достоинстве духовного лица, степени его скромности и приверженности делу общины мы можем судить по словам апостола Марка: «А кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Марк, 10—14 и 45).

Эти поучения хорошо известны иерархам церкви. О них важно, однако, напомнить, чтобы держаться подальше от власти состоятельных классов, от господства политиков с их гордынею и от злоупотреблений, нередко допускаемых духовными авторитетами.

Церковь — это община верующих, объединенных делом спасения и служения религиозным задачам. Именно через церковь верующий помогает достижению благоденствия, справедливости и мира. Потому участие мирян в церковных делах является благим делом, выражающим творческую взаимодополняемость клирика и мирянина. Вспомним слова апостола Павла о разнообразии дарований: «Ибо как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати имеем различные дарования...» (Послание апостола Павла римлянам, 4—6). Предельно ясный текст являет собой призыв ко всем христианам воспользоваться таким разнообразием и умело распределить обязанности, чтобы не навредить общему делу. Роль клирика в церкви определена во многих установлениях. Роли же мирянина не получили такого определения. Потому мудрому и

доброму священнику следует внимательно выслушивать всякое мнение, каким бы ни был его источник. Если будет налажено подлинное согласие и сотрудничество в интересах паствы на основе взаимной привязанности между клириком и верующими, религиозная общность будет в состоянии реализовывать духовные задачи.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НА ПУТИ СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ КУЛЬТУР

ПЕРВАЯ ГЛАВА. РУССКИЙ И ВОСТОЧНО-АРАБСКИЙ МЕНТАЛИТЕТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Понятие менталитета

Менталитет является новым понятием в науке и философской мысли. Оно было сформулировано и "отшлифовано" учеными – социологами, психологами, этнологами и антропологами. Постепенно оно превратилось в область знаний с философской перспективой, названной в середине двадцатого века "историей менталитетов". Это понятие поэтому не занимает в гуманитарных науках позицию, подобную понятию "разум" в истории философии, возраст которой примерно двадцать пять веков. Однако за последние 50 лет термин "*менталитет*" начал занимать заметное место в словарях по социологии и философии. Социологический словарь, составленный под редакцией Римона Бодуэна и других исследователей в различных областях знаний, определяет *менталитет* как: "совокупность рациональных, моральных, гносеологических и эмоциональных позиций, привычек и тенденций, являющихся общими для членов конкретной группы людей"¹. В то же время Поль Фуке в своем словаре отмечает, что "*менталитет* – это совокупность личных и общих привычек в процессе осмысливания и выводов, учитывая, что привычное обычно серьезно затрудняет

¹ Dictionnaire de la Sociologie. Ed. Laroussa. Paris. 1993, p. 144.

критическое осмысливание в пользу ранее сделанных выводов"². У некоторых современных мыслителей и философов, таких, как Пьяже, Леви Штраус, Госдров и др., понятие "*менталитет*" сводится к отражению культуры в пространстве и времени... Мы собственно трактуем его как явление, охватывающее культурное, духовное, моральное и психологическое наследие у групп людей, живущих в определенном месте и времени. Это результат их общих усилий и отражение жизненного уклада конкретной группы. Он основан на общих ценностях и может претерпевать некоторые изменения в отдельных своих аспектах в зависимости от конкретных изменений в истории и политике. Вместе с тем, он отличается определенным постоянством, так как создан человеческими ценностями, которые не так легко поддаются воздействию временных изменений в экономике и политике. Как считает мыслитель Гастон Потол, ценности охватывают "организм привычных принципов, убеждений и знаний, который отличается сверхпрочностью, создавая мощный элемент самозащиты в "Я" каждого индивидуума и группы людей в целом"³. Эти ценности формируют для той или иной цивилизации структуру и образ осмысливания вопросов вселенной, общества, души и человека.

Понятие русского и восточно-арабского менталитетов

Признав, что *менталитет* представляет собой ценности группы людей, склад их мышления и поведения, мы делаем

² Vocabulaire de Sciences sociales. P.U.F. Paris 1978, p. 215.

³ Voir Les mentalites. P.U.F. Paris. 1971, p. 30.

естественный вывод о том, что *менталитет* не может сформироваться на пустом месте или из ничего. Он – плод времени и места, где возник и сформировался. Отличительные особенности русского и восточно-арабского *менталитетов* не только в языке, устном и письменном творчестве, образах и темах, а в образе мышления и поведении, которые дают представление о сознании человека и совокупности его повседневных действий, которые формируют представление об окружающей жизни, отличное от других. Особенность каждого из них является результатом их взаимодействия и соприкосновения с культурным пространством (геокультурой), что является основой их исторического образа. Каждый *менталитет* выработал свое представление о религии, бытии, обществе, нравственности и поведении, которые либо отличают его от других, либо делают похожим на них некоторыми человеческими ценностями по содержанию: открытому или закрытому, противоречивому или гармоничному, широкому или узкому, успешному или потерпевшему поражение и по другим элементам жизни.

Когда мы говорим о русском и о восточно-арабском *менталитетах*, мы подразумеваем сохраняемый исторический опыт русских и восточных народов в их взаимодействии с другими народами и культурами. Философско-просветительский ракурс данного исследования объясняет многочисленность вопросов, поднимаемых в нем. Именно вопрос движет философией и знанием. При этом речь идет не о поверхностном понимании *менталитета* того или иного народа или народов, а о сути явления. Внимание

акцентируется не на внешних наблюдениях данных *менталитетов*, но на их глубинной сути, связанной с духовным и культурным потенциалом, с причинами их силы и слабости. Чтобы ощутить социальный, экономический и культурный уровень конкретного народа, следует познакомиться с этапами его успехов и поражений. Это в значительной мере связано с *менталитетом* народов – их видением самих себя, способностью найти себя и понять свою ответственность в конкретном месте и времени, в отношении вселенского вопроса, связанного с извечной триадой – Бог, Природа, Человек, определить свою позицию в отношении связи мудрости разума и эмоциональности сердца, ценностей индивидуума и коллектива. Можно без конца говорить о структуре мышления или поведения, присущей тому или иному *менталитету*. Поэтому попытаемся ограничиться детализацией некоторых специфических факторов, которые уже упоминались.

Место

Одна шестая часть земного шара, на которой обитает русский человек, породила в нем двойственное – положительное и отрицательное – чувство отношения к этому огромному пространству. С одной стороны, он отличается широтой души, мышления и воображения. Широта русской души проявляется в отношениях русских с другими, в объемности стихотворного слога в песнях, в литературе и искусстве. С другой стороны, состояние усталости и анархии царит в его отношениях с этой обширной

территорией, покрытой снегом на протяжении почти половины года. Это ограничивает его активность и заставляет чувствовать поражение в организационном и экономическом управлении данной обширной территорией. Это двойственное чувство переживает русский человек на протяжении всей своей жизни. Бескрайняя русская душа, под стать бескрайним просторам места, дает ему покой и чувство умиротворенности. Русский человек не опасается нападения чужеземцев, потому что русская этническая община является самой большой на русской земле. Русский человек чувствует себя как бы в объятиях своей необъятной родины. В его душе нет страха, когда он уходит в глубь России... Он тесно связан с землей и местом. Это воспитало в нем восприятие России – родины, своей родной Матери. Он всегда сравнивает и проводит параллель между понятием "Мать-земля" и "земля божественная". Он расслабляется в стихийности земли, уходит в лоно земли-матери. Н. Бердяев утверждает, что русская человеческая и географическая природа очень пластична и женственна. По его мнению, у русского народа отсутствует чувство рыцарства⁴. Место оказывает весьма заметное влияние на формирование русского *менталитета*. Оно заставляет человека устанавливать с ним некую эмоциональную несбалансированную связь. Это порождает в самой России значительные различия между городом и деревней, между городским и деревенским укладом. Об этом говорит и Бердяев: "в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. У русских природа стихийная

⁴ Николай Бердяев. Судьба России. М., 1990, с. 39.

сила, которая сильнее, чем у западных людей"⁵.

Власть места имеет свою силу в динамичном положительном смысле слова. Русский человек чувствует, что имеет наибольшую площадь территории в этом мире. И он владелец самых больших природных запасов, которых нет ни у одного другого народа. Он пользуется всеокрушающей силой своей земли. Из его земли происходит его научный разум, пробиваясь сквозь горизонты обширной вселенной.

С другой стороны, левантийско-арабская территория, расположенная на восточном побережье средиземноморского бассейна от Египта до верховьев междуречья (Месопотамии), характеризуется мягкой зимой, умеренными весной и осенью и жарким летом. Здесь всегда солнце, светлое небо, почти всегда чистое. Эти общие черты климата Средиземноморья являются объединительным фактором. Морской горизонт порождает у человека желание созерцания, стремление узнать, что находится за морем. Толкает его отважиться на авантюру и пробиться через бурные волны. И это не только его любовь к свободе, но и стремление убежать с вершин внутренних гор и от постоянного страха нападений со стороны бедуинов. Его проживание здесь выработало у него состояние замкнутости и открытости. Желание удержаться на месте и одновременно убежать от него. Потому долгая жизнь Востока является продолжением во времени и неким воплощением в географическом положении. Это связано со сложным доступом, отсутствием больших земельных территорий для заселения

⁵ Николай Бердяев. Истоки и мысли русского коммунизма. М., 1990, с. 8.

людьми, если не считать нескольких пустынь Аравийского полуострова. Глаз местного жителя наслаждается широкими просторами, только обратившись в сторону моря. И как говорит Джаввад Булос, "Из-за высот, замыкающихся на побережье, из-за природы, которая отделяет внутренние регионы друг от друга, возникает состояние изолированности между группами, что часто приводит к политическому разобщению"⁶.

Не исключено, что этнические и религиозные группы пытаются как бы уединяться между высотами гор, в уголках равнин и на побережьях, создавая состояние относительной изоляции. Такая изоляция могла выработать у каждой группы некое специфическое мышление, характеризующее их разнообразный мир, в вопросе богословия, поведения и экономической деятельности. Этим объясняется короткая жизнь средиземноморских республик, которые не смогли устоять под натиском больших сильных держав и защитить тыл от лежащих за спиной пустынь. Несмотря на общие черты, отличающие восточную личность в восприятии вселенной, души и материи, тем не менее она иногда сильно отличается по быту на побережье и в деревне, фольклорностью и коллективизмом в деревне и изолированностью и индивидуализмом в городе. Однако в настоящее время специфика Востока по сравнению с Россией не дает ощущения спокойной уверенности в своей силе и в своем будущем. Это исходит из чувства постоянной угрозы, которая была в прошлом и имеет место сегодня при отсутствии внутренней силы, способной

⁶ Джаввад Булос. Народы и цивилизации Ближнего Востока. Т. 1 (на арабск. яз.). Авод, Бейрут, с. 6.

защитить, и по причине культурной отсталости. Такая ситуация превращает это географическое место в слабое звено, трудно управляемое его обитателями, вследствие чего постоянно подвергается вторжениям и разрушениям. Все это является причиной состояния постоянной психологической и культурной нестабильности восточного арабского *менталитета*, подталкивая его постоянно "уповать на небо или более сильного". Это особенно ощущается в его связи с извечной триадой – Бог, Природа, Человек.

Вселенская триада

Связь восточно-арабского *менталитета* с Вселенной (Миром) осуществляется по трем фундаментальным осям: Бог, Человек и Природа. Чаще внимание акцентируется на двух из них, а именно, на осях Бог и Человек. Полезность и рациональность связи с Природой при этом опускается. Западный *менталитет* с греческих времен по сегодняшний день, включает и третью составляющую, не считая промежуточного этапа, когда была одна ось с двумя полюсами – Разум и Природа. Именно в современной европейской философии от Бога исходит сила, сливающаяся с природой и, соответственно, он является организующим началом. Мы находим это у Спинозы и Гегеля. С другой стороны Бог может быть силой, отдельной от природы, и тогда он рассматривается как причина слияния принципов разума и законов природы. Мы видим, что идея природы почти отсутствует в структуре мусульманского или христианского восточного *менталитетов*. В общеарабском *менталитете*

постижение Творца разумом идет через созерцание природы. В светской, западной и русской неатеистической культуре разум черпает от Бога способ правильности понимания природы.

Восточно-арабский *менталитет* заполнен Богом во всех его изгибах и свободных пространствах. Поэтому божественная идея пронизала его суть и превратила его в место освоения и распространения божественного духа на уровне Вселенной. Взгляд восточного человека на Вселенную – это взгляд, восходящий к небу, и восточная культура, как говорит Клод Леви Штраус, является "...цивилизацией ковра вероисповедания, представляющего весь мир... Чтобы она могла сопротивляться и продолжаться, она вынуждена быть в тесной связи с метафизикой. Возможно, в этом одна из тайн ислама и других религий этого региона, где каждый человек постоянно чувствует себя в присутствии Бога"⁷.

Древняя средневековая и современная восточная цивилизации выработали прежде других понятие о Вселенной и идее божественной справедливости, основанных на принципах добра и зла. У такой цивилизации Бог – это начало всех начал. Понятия восточного человека о Вселенной впервые в истории человеческой мысли породили вопросы о вечности человеческой души, присущие не определенному роду или народу, а всему человечеству. Среди них и вопрос наказания после смерти, основывающийся на нравственных общечеловеческих принципах, сконцентрированных на бытии и после бытия... Все эти элементы осмысления имели заметные последствия на древнем этапе формирования первого ядра греческой

мысли, которая стала мировой в эпоху философии. На этом этапе выделились два направления: "эллинское", ориентированное на Запад и другое, "эллинистическое", средиземноморское. В "эллинистический" период глубокий восточный дух воплотился в христианстве, иудаизме, монизме, который с появлением ислама приобрел новые границы и ряд черт, отличающих его от древнегреческого и современного европейского. Русский *менталитет* почерпнул из обоих направлений...

В идее культуры и спасения в европейском разумном пространстве, согласно его древнегреческому понятию и современному европейскому представлению, смысл в том, что наивысший идеал воспитания достигается через светскую культуру, которая формирует человеческую личность на основе объективных принципов коллективного сознания людей. Что касается распространенной в восточном *менталитете* тенденции, то она основывается на потребности в спасении души, спасении, проходящем через человеческий грех или пропасть, отделяющую Бога от человека.

Таким образом, восточный *менталитет* со всеми духовными компонентами, несмотря на некоторые отличительные черты у той или иной религии выработал за период своей длительной истории своего рода философию, фиксирующую дуализм божественной сути, являющейся первичной, и материи. Было отмечено, что преодоление различия между Богом и материей осуществляется через светскую культуру, которая формирует человеческую личность на основе

⁷ Claude Levi-Strauss. *Tristes Tropiques*. Paris. 1955, p. 159.

объективных принципов коллективного сознания людей. Что касается распространенной в восточном *менталитете* тенденции, то она основывается на потребности в спасении души, спасении, проходящем через человеческий грех или пропасть, отделяющую Бога от человека.

Таким образом, восточный *менталитет* со всеми духовными компонентами, несмотря на некоторые отличительные черты у той или иной религии выработал за период своей длительной истории своего рода философию, фиксирующую дуализм божественной сути, являющейся первичной, и материи. Было отмечено, что преодоление различия между Богом и материей осуществляется через промежуточные звенья. Из Божественной сути исходит Носе (или Ум), затем Логос (или слово), далее Антропос (или человек). Далее следуют более низшие существа, доходящие в конечном итоге до материи – основы всего зла человеческого, из-за нее пал человек. Человек путем спасения проходит обратный путь от материи к Богу. Таким образом, отношение восточного человека с Вселенной не исходит из первичности человеческого научного разума, нуждающегося во вникании в тайны природы с целью их покорения. Он доверяет все свои дела от рождения до смерти и даже после смерти вселенской силе, воплощаемой в Боге. Понадобились тысячи лет, чтобы восточная цивилизация и восточный *менталитет* смогли сформироваться. Местному *менталитету*, который создал высокоразвитую форму духовно-религиозных представлений, удалось также зафиксировать значительные достижения в различных областях. Однако эти достижения были достаточно слабыми в

математике и естественных науках. Зона научного разума в восточном мышлении не была всегда на достаточном уровне динамизма, одаренности и творческого созидания. Многие были оставлены Создателю миров. Дело дошло до того, что многие мирские вопросы стали занимать незначительное место в заботах личности. По этой причине осознание природы и основ управления ею, нашей землей, солнечной системой и вселенной остались неясными на Востоке. Этим объясняется культурная неустойчивость восточной личности, существующая по сей день. Этим личности до сих пор не удалось создать баланс между зонами научного разума и духовных начал. Все это приводит к постоянным сложностям.

Что мы видим в этом же уравнении в русском *менталитете*?

В отношении русского *менталитета* и триады Вселенной – Бог, Природа, Человек – можем сказать, что и в этом *менталитете* на многих этапах его развития отсутствовали сбалансированное представление и логично связанные элементы универсального уравнения. Одно время русское мировоззрение полностью подчинялось Богу, который является, как говорят Ильин, Соловьев и другие, вопросом всех вопросов и началом всех начал и, соответственно, он и есть создатель природы и человека, он управляет душой человека и его жизнью. В другое время существование Бога в русском сознании подвергалось сомнению. Он был вычеркнут из мира веры, лишен роли в жизни и в природе. Признавалось только материально осязаемое. На уровне философии пропагандировалась абсолютная первичность материи по сравнению с идеей. Божественная душа изгонялась из человеческой личности в

мир метафизики и легенд. Российские марксистские мыслители подвергли критике российских теологов и их видение божественного происхождения жизни на земле, и пытались полностью прекратить религиозную активность, когда власть в стране находилась в их руках... С помощью своей идеологической машины они воздействовали на общественное сознание с целью заставить людей не признавать существование Бога и ограничить человека только материальными устремлениями, игнорируя духовность и веру. Только иногда русское мышление занимало сбалансированную позицию между Человеком, Богом и Природой. Философ Бердяев отличается своим светлым разумом и возвышенной духовностью, когда он сопротивляется теории, отрицающей связи каждого элемента с другими в универсальном уравнении. Он говорит, что Бог не нуждается в признании его существования также, как человек в признании существования материальных вещей. Сознательность веры апеллирует к свободной совести. Бог – это душа, а душа – это свобода. Корни свободы не находятся в природе, а уходят в душу. Связь человека с Богом не является материальной по природе. Это связь души с божественной личностью в самых глубоких ее чувствах. Отсутствие Бога означает отсутствие тайн. Нет бога, нет победы над смертью.

Существует тройственность, как он говорит, связывающая царство жизни с царством человека, с царством Бога. Эта связь необходима, чтобы была определена свобода человека. Борьба царства Бога в возвышенном смысле этого слова, вращается вокруг идеи борьбы добра и зла. Добрый поступок есть утверждение

присутствия Бога в человеке. Кто делает добро, тот служит возвышенным целям, религиозным и земным. Связь человека с Богом через Вселенную вертикальна, а с природой горизонтальна. Эта связь раздвоилась, когда попытались отделить тело человека от его души. Ошибкой гуманитарных наук, согласно русской религиозной философской мысли, является абсолютное утверждение человека в качестве вершины творения природы и стремление свести все к человеческой личности. Это очень узкий подход к человеку, где он понимается только как бездушный плод природы. По этому вопросу дословно Бердяев говорит: "Существование Бога обнаруживается в существовании духа в человеке"⁸. Бердяев и другие мыслители, не отрицая большого значения науки и технологии, призывают к объединению духовного движения с жизненно-социальным, научным движением, чтобы спасти русский *менталитет* и русскую судьбу от раздвоения, волнений и потерянности.

С другой стороны, идея спасения, на чем настаивали славянофилы, а именно духовный отец данного движения, мыслитель Хомяков, заключается в сильной вере в дух Господа с целью коллективного спасения от грехов земли. В этом – современное преломление восточной идеи о спасении, русский фактор, не исключая научное осмысливание жизни. Тем не менее, это представление о спасении человека не заключается только в освобождении его от материальных и социальных тягот. Этим восточная идея спасения отличается от западной католической, исповедующей спасение индивидуальной личности. Уравнение

⁸ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990, с. 249.

перевернулось в советский период, когда из идеи о спасении была выхолощена духовность и появилась трактовка о спасении через новую историческую массу – пролетариат. Нашла место идея "коллективизм". Человек лишился личного духовного и слился с общностью в колхозе, совхозе, на заводе, в партии и в обществе. В первом случае идея о спасении исключила заботу о земной жизни человека, во втором был исключен свободный выбор веры в духовное. В обоих случаях отсутствует центральный фактор в уравнении – связь человека, как свободной личности, с природой, Богом, с настоящим и будущим. Его лишили права, как индивидуума, на свободный выбор веры, идеи, философии, морали, экономики, даже личных жизненных желаний. Когда индивидуум растворяется в коллективе, исчезает его Я, и его личность становится пластичным материалом в руках того, кто создает идеологию – религиозную, политическую или жизненную, кто стремится к подчинению себе духа индивидуума и общества.

Общая черта у русского и восточно-арабского *менталитетов* – их явное противоречие в отношении с явлениями Бога, Вселенной, природы, общества и человека. Главным у них является отсутствие аристотелевской мудрости, гласящей о необходимости умеренного представления во всех аспектах.

Диалектика разума и сердца

В восточно-арабском *менталитете* принципы разумности занимают слабое место в сознании и поведении человека этого

региона. Однако сердце постоянно присутствует, даже заняло главнейшую позицию в небесных книгах и среди органов человека. Оно не является основным источником чувств и ощущений, однако с его помощью приходит вера в Бога. Отсюда вытекает то, что было повторено множеством арабских мыслителей: самая главная сторона в арабской культуре – это культура сердца. У египтян, например, Тауфик аль-Хаким говорит, обширные знания приходят через сердце, а не через разум. Согласно его мнению, "единственная сила Европы – в разуме, а сила Египта – в сердце, которое не имеет границ"⁹. Он враждебно относится к рационализму Запада, взорвавшему бомбу материализма и вражды, "тогда как проповеди Востока оставили цветок "терпения и надежды" в душах"¹⁰. По его мнению, Запад открывает землю, а Восток открывает небо. Конечно, не все арабские разумные мыслители согласны с таким разделением между принципами разума и принципами сердца. Однако нельзя не заметить, что арабский *менталитет* больше склонен к эмоциям сердца, а не к занятости принципами разума и его научными представлениями. Восточный человек экстремален в своей любви и ненависти, в своем одобрении и опровержении. В грусти человек становится принадлежностью коллектива, в радостях не знает мер. Позиция русской мысли не сильно отличается от восточно-арабской. Иван Ильин говорит: "Русский народ прежде всего – народ чувств, и главный его творческий акт – акт сердца"¹¹. Несмотря на то, что

⁹ Тауфик аль-Хаким. Возрождение духа (на арабск. языке). Каир, р. 55.

¹⁰ Тауфик аль-Хаким. Птица из Востока. Каир. Дар. Ал-Маарев. 1974, с. 80-81.

¹¹ Иван Ильин. Собрание сочинений. Т. VI. Книга 11. М., 1996, с. 615.

русский *менталитет* содержит в себе силу мышления, воли, творчества в гуманитарных и естественных науках, в искусстве, сердце остается главным источником его духовной силы. У Ильина разум и вместе с ним общее русское настроение остается продолжением тепла духа сердечного. Русский *менталитет* объединяет силу научного сравнения с силой сердечных ощущений. Такой *менталитет* пытается найти диалектическую связь между сердцем и разумом во всех аспектах мышления и поведения, однако он склонен к избытию чувств и доведению вопросов до конца. Как у восточно-арабского *менталитета*, так и у русского отсутствует усредненная позиция, пытающаяся умеренно согласовать сердце и разум. Отсутствие в обоих *менталитетах* достаточной нормы в укоренении принципов разумности во всех нуждах человека, как материальных, так и духовных, вынуждает их находиться в состоянии неуравновешенности. Духовный покой не может проникнуть в личность русского и араба без творческого воссоединения между мудростью разума и духовностью сердца.

ВТОРАЯ ГЛАВА. РОССИЯ И АРАБСКИЙ ВОСТОК: ВСТРЕЧА ДВУХ КУЛЬТУР

Мир искусства и культурологии

По отношению каждой культуры к самой себе или к другой культуре существует две противоположные линии:

Первая, когда эта культура пытается навязывать свои материальные и духовные ценности другой, особенно когда она является доминирующей. И вторая, когда эта сильная культура учитывает особенности другой и воплощает ее положительные элементы, относясь к ней не с позиций силы, конфликта и разжигания агрессивности, а с позиций диалога, взаимодействия и гармоничного контакта с нею, с целью достижения определенного синтеза всех положительных человеческих элементов обеих культур. Смысл этого процесса – концентрация на трансцендентальных и космических ценностях человечества – добре, справедливости, любви, знании, красоте...

По вопросу отношений между цивилизациями в настоящее время существует две точки зрения. Первая, которой придерживается Хенингтон и др., утверждает, что цивилизации находятся в состоянии постоянного столкновения и конфликта. Вторая провозглашает то, что возможен и необходим диалог и взаимодействие между цивилизациями. Сторонниками этой точки зрения являются такие ученые, как Тойнби, Рерих, Гароди и др. Данный семинар придерживался этого второго взгляда на современную историю

развития цивилизаций, сосредоточив свое внимание только на вопросах искусства и культурологии.

По инициативе Ливано-российского дома и Ливанской академии изящных искусств – Университета Баламанд с 4 по 8 марта 1999 г. в Бейруте состоялся научный семинар по теме: "Россия и Арабский Восток: встреча двух культур". В этом семинаре принимали участие некоторые широко известные ученые и мыслители из России и Ливана. В ходе семинара обсуждались особенности духовного, эстетического и культурологического наследия ливанских и российских народов, а также анализировались общие черты этих двух цивилизаций, являющихся частью общей культуры мира.

В докладе митрополита Жоржа Ходра внимание было сосредоточено на духовной устойчивости ливанских народов. По его мнению, единый Бог был впервые открыт в религиозном сознании народов именно этого района и пророки трех основных мировых религий были избраны как раз из стран ливанско-арабского Востока. В свете монистических религий верующий человек этого района стал ощущать себя владыкой мира. Подчеркивая особенности ливанских арабо-восточных, как их теперь называют, народов, митрополит Ходр хотел показать первичность и доминирующую роль их духовности.

Профессор Б. Ерасов обозначил элементы устойчивости и изменчивости культурологического лица России, сосредоточивая внимание на ее духовном ядре – православии, как элементе ее устойчивости и на присутствии европейского и азиатского, на

политизации славянского, исламского, буддийского и еврейского элементов, что он считает элементом изменчивости.

Все вышеуказанные элементы, как правило, не усилили культуру России, а служили предметом постоянного беспокойства и противоречий, ведущих к ее ослаблению. С одной стороны, Россия в ее истории время от времени была замкнута вокруг той или иной особенности, а с другой, была слишком открытой в геокультурологическом пространстве по отношению к этническим, религиозным и культурным группам своего диапазона или к другим цивилизациям. По вопросам эстетических представлений левантийского и российского народов на искусство иконописи и выражения образа на семинаре было прочитано четыре доклада. Особое место заняло выступление профессора О. Поповой, богатое своим глубоким анализом древнерусской иконографии. Русь и русская культура органично влилась в большую византийскую семью и другие культуры, и это особенно проявилось на персонажах и технике выполнения средневековых русских икон и фресок многих церквей в России. По мнению О. Поповой, главной целью религиозного искусства было одухотворение материи и формы, поиск равновесия между человеческим и божественным, чувственным и внечувственным. Глубокое понимание души русских средневековых икон и фресок особенно ярко выражено в работах мастеров палеоловского ренессанса и прекрасных произведениях Феофана Грека и Андрея Рублева. В своем докладе О. Попова очень эмоционально обратила внимание присутствующих на выражение совершенного спокойствия на лицах святых, говорящее об их полном

внутреннем согласии и совершенстве, и на красоту ликов пророков: она тщательно показала особенности стилей и техники письма икон каждого века и каждой школы. В словах профессора светила чистота искренности верующих, которые дарят миру истинную любовь и внутренний покой.

С ливанской стороны специалист по византийскому искусству Нада аль-Хелу прочла свой доклад о малоизвестных фресках средневекового Ливана. Она тщательно изучила персонажи, сюжеты, цвета и базиликские структуры некоторых церквей Горного Ливана, показала разные, а точнее разнообразные типы, школы, которые отображены в этих фресках. Тщательно изучив ряд церквей, Нада аль-Хелу отметила влияние искусства Византии и времен крестоносцев, классической традиции римской архитектуры. Несмотря на эту присущую им черту, она подчеркнула, что доминирующей школой все-таки является местная левантийская, в которой отражен особый культурный дух этого района.

В своем докладе "Образ на христианско-мусульманском Востоке" ливанский ученый-иконограф Махмуд Зибауи подошел к изучению этого вопроса с точки зрения эстетического, исторического и культурологического методологического сравнения христианского и мусульманского искусства. Он показал взаимовключение религиозного и светского в них, осветил историю возникновения понятия образа и его эволюцию в наследии христианской иконографии. Выступление Зибауи убедительно показало ложность сложившегося стереотипа о полном отсутствии изобразительного искусства в исламе. Он отметил, что в эпоху Аббасидов в исламском

искусстве преобладала каллиграфичность и орнаментальность, что являлось на тот момент одним из видов изобразительного искусства.

Россиянка, общественный специалист по истории арабомусульманского искусства Т. Каптерева, которая, к сожалению, не смогла присутствовать на заседании семинара, прислала свой доклад, в котором сделала глубокий экскурс в наследие искусств арабского Востока, имеющее глубокое влияние на искусство Андалузии. Т. Каптерева изучала проблему синтеза в мусульманском искусстве. На примере дворца Альгамбра она показала, как постепенно при помощи такого синтеза произошел переход от исламского искусства, характеризующегося монументальностью, масштабностью, грандиозностью к другому периоду эстетического синтеза между объемами и размерами, между объектами и субъектами, сочетанием человеческого и сверхчеловеческого. Арабские художники достигли особого мастерства в эстетическом использовании арабских букв, особенно в текстах Корана и в стихотворениях великих поэтов, таких как Ибн Малек и Хуса-меддин аль-Хатиб, украшающих стены дворца. Находясь в самом дворце и в его саду, человек чувствует себя, как в раю, ощущая красоту, гармонию между фантазией человека и совершенством природы. Поэзия и руки художника-скульптора создали здесь такой синтез убедительной красоты, который редко встретишь в истории мирового искусства.

Польза от музыкальных эстетических и любых культурных встреч, как предмета для размышлений, была подчеркнута большинством участников семинара. В выступлении митрополита Ходра говорилось о взаимодействии многочисленных цивилизаций

на арабском Востоке. Несмотря на разнообразие этнических и религиозных групп, а также на различия в древнегреческом, римском и арабо-мусульманском искусстве, его выступление доказало присутствие общих эстетических и культурных традиций в искусстве левантийского района.

Выступление Зибатуи сосредоточило внимание на плодотворном взаимовлиянии византийского и мусульманского искусств в эпоху Аббасидов, что особенно ярко проявилось в миниатюрах армянских евангелистов, в изображениях образа Христа и святых в церквях и монастырях Ирака.

Диалог, сближение и взаимопонимание между культурами, между эстетическими стилями – европейского, христианского, мусульманского, арабо-восточного, марокканского – было ярко освещено в докладе Каптеревой.

В выступлениях доцента Сухейля Фараха и Бориса Ерасова отмечались процессы эстетического, духовного и общекультурного взаимовлияния и взаимодействия между левантийским районом и Россией. Сухейль Фарах акцентировал внимание на изучении менталитетов арабо-восточного и российского народов. Он подчеркивал: для того, чтобы оценить социальный, экономический и культурный уровень народов, следует познакомиться с этапами их успехов и поражений. Это в значительной мере связано с менталитетом народов, их видением самих себя, способностью найти свой путь и понять свою ответственность в конкретном месте и времени, с их отношением ко вселенскому вопросу, связанному с известной триадой – Бог, Природа, Человек, их способностью

соединить мудрость разума и эмоциональность сердца, ценности индивидуализма и коллектива.

Что касается выступления М. Николаевой, которая является специалистом по современной ливанской литературе, то она описала и проанализировала некоторые произведения выдающегося ливанского писателя Михаила Нуайме, описала его портрет как литератора, человека, философа, пророка. В романах "Мирдад" и "Сабун" проявились его универсальность и самобытность, его искренняя любовь к России и к православию. М. Николаева проанализировала также отношение Нуайме к А.С. Пушкину. Она подчеркивала тот факт, что творчество Нуайме проникнуто духом России и арабского Востока.

Значительную часть времени семинар посвятил вопросам сравнительного анализа менталитетов россиян и левантийцев, формирования образа друг друга. В своем докладе Сухейль Фарах дал анализ специфики каждого менталитета, основанного не только на собственном языке, но и на геокультурном, историческом, психологическом и социальном пространстве. Он показал влияние места, географии, духовного и культурного наследия на формирование образа мышления и поведения российского и арабско-восточного человека. Несмотря на достижения этих двух цивилизаций в создании материальных и духовных ценностей, подчеркивал он, как у восточно-арабского менталитета, так и у российского отсутствует чувство разумной меры, "золотая середина", что вынуждает их находиться в состоянии неуравновешенности.

Выступление Ерасова "Образы Востока в русской культуре"

обрисовало универсальные картины образов, ассоциирующихся с Востоком у российского читателя. Эти образы были созданы описаниями путешественников, поэтов, литераторов, мыслителей, музыкантов. В них иногда были показаны противоречия Востока, иногда сквозило восхищение им. Восточные образы близки россиянам как альтернатива давлению западничества, как попытка синтеза рациональности Запада и эмоциональности Востока. Профессор Ерасов считает, что в последнее время образ Востока в российской культуре носит положительный и даже сердечный характер.

Все доклады соответствовали духу радушного диалога и желания проводить постоянные встречи между представителями двух культур.

В процессе работы семинара были сформулированы практические предложения о создании российской научной группы для изучения и реставрации фресок и икон в ливанских церквях.

Все участники одобрили предложения директора Ливанской Академии изящных искусств господина Жоржа Хаддада об издании альбома "Фрески средневекового Ливана", над которым работает Нада аль-Хелу и другие. Господин Хаддад любезно предложил материальную поддержку этому начинанию. Принято решение опубликовать некоторые наиболее интересные доклады в различных периодических изданиях на двух языках, русском и арабском, для ознакомления широкой общественности с вопросами, обсужденными на семинаре.

Семинар выявил актуальную необходимость в проведении

подобных взаимообогащающих встреч и продолжении работы, направленной на обоюдное раскрытие сокровищ наших культур и обогащение духовной связи между нашими народами.

Ливано-Российский дом и эстетика взаимовлияния культур¹²

Когда цивилизационный порыв, достигнув зрелости, встречается с эстетикой, радующей зрение и слух, начинаются приготовления к свадьбе. Богато украшаются свадебные покои. Новобрачных ждет медовый месяц, полный новизны впечатлений, и поражающие воображение подарки...

Такие ожидания волнуют группу мечтателей, избравших ниву левантйской и российской цивилизаций, чтобы вкусить их богатых плодов. Культура, искусства, знания и наука им дороже политики.

Эти люди, дело жизни которых – мысль, искусство, ремесло или дух, пришли к согласию возвести на высотах Антельяса храм цивилизации под названием "Ливанско-российский дом".

Задачи Дома:

– Создание ядра учебно-художественной и общекультурной школы, включающей музыкальный клуб, киноцентр, театральную и балетную студии, студии живописи и ваяния.

– Организация научных встреч по вопросам современной науки и культуры.

¹² Этот материал подготовлен в связи с сообщением о создании Ливанско-российского дома.

– Устройство поэтических, литературных и музыкальных вечеров, посвященных творческим достижениям поэтов, писателей и музыкантов Ливана и России.

– Изучение арабского и русского языков.

– Проведение ежегодных конференций по вопросам взаимодействия ливанской и российской цивилизаций.

– Подготовка издания журнала под возможным названием "Наука и цивилизация" на русском и арабском языках для публикации оригинальных и переводных работ.

– Организация детских благотворительных культурно-спортивных праздников и подготовка создания образцово-показательного детского сада.

– Проведение общественной работы для российских женщин, получивших ливанское гражданство, с целью помочь им полноценно чувствовать себя в ливанской общественно-культурной среде.

Философия дома:

– Участники проекта отличаются друг от друга национальностью, гражданством, религиозной принадлежностью, культурными традициями и даже политическими убеждениями. Их объединяет философия Дома, призванного в соответствии с его статусом служить делу арабо-ливанской и российской цивилизаций, познанию их языков и культур.

Дом призван помочь выявлению всеобщих – эстетических и гуманистических аспектов во всех видах творческой деятельности – искусствах, культуре и науке, не допуская никаких форм политического, идеологического или конфессионального контроля за

его работой.

Философия Дома строится на принципах диалога и сотрудничества всех цивилизаций. Но это прежде всего – Ливанско-русский дом, призванный отражать особенности, определяющие уникальный характер арабо-levantийской и российской цивилизаций. Носителями этой уникальности являются участники проекта, принадлежащие, как отмечалось выше, к разным этнокультурным и региональным общностям, связанные между собой проектом сотрудничества, призванного воплотить в жизнь через сопоставление идей и развитие контактов между индивидами, семьями и коллективами их общие идеалы. Все они сдают экзамен общения, испытав действия феномена притяжения и отталкивания в отношениях между людьми и проходят через лабораторию взаимодействия с коллективами, выражающими мысли и надежды почти семи тысяч выпускников институтов и университетов России и иных республик бывшего Советского Союза, как и четырех тысяч женщин, вышедших замуж за ливанцев, а также русской колонии, проживающей на ливанской земле с начала двадцатого столетия и тех духовно культурных общностей, которые стремятся пройти через эту лабораторию.

Арабо-levantийская и российская цивилизации обладают особенностями, объяснимыми не только действием естественно-географических или этнокультурных факторов, но также и отношением к экономике и ее движущей технологической силе, различием в социальном составе и методах организации общества, в механизме и динамике политической системы, в религиозных

верованиях, языках, литературно-художественном творчестве, в философии и идеологии. Эти факторы различия находятся, однако, в состоянии подвижности, непрерывной эволюции и непрерывного изменения, порой подчиняясь тенденции к стабильности и соответствия породившим их условиям жизни, порой же обогащая друг друга элементами собственного цивилизационного содержания. Так например, благодаря этническим различиям между членами супружеских пар в смешанных российско-(-советско-) ливанских браках дети их (все они необычайно красивы) стали носителями новой, этнически смешанной крови или новой этнической природы. Отношения между супругами исполнились еще большей теплоты и прочности, стремления возможно полнее понять друг друга и видеть все, что у каждого есть лучшее.

Так действует формула заимствования и отдачи, отчужденности и сближения, сплетая сеть тесных взаимоотношений, выражающихся в обмене взглядами и мыслями, мнениями и чувствами, приобретением новых навыков и вкусов, новых эстетических представлений, новых пониманий культуры. Иными словами, происходит обмен идеями, традициями и эмоциями.

В таком общении сердце левантийца шире раскрывается для духа России, и это естественно и признано всеми. Русская душа во многих отношениях шире души ливанца и левантийца. Под глубиной души я понимаю глубину цивилизационного опыта, обретшего русскими людьми в процессе порождения материальных и духовных ценностей в новое и новейшее время.

Это – следствие освоения окружающего пространства силами

научно-технического разума, как и результат общественной жизни, и особого представления о времени; показатель мощи ума и воображения, выразившейся в прогрессе образования и науки, в особом понимании мира; результат удовлетворенной потребности в наслаждении ценностями искусства и культуры.

Все это не ускользает от внимания тех, кто трудится над проектом создания Дома, определяя духовную направленность его деятельности. Никто из них при этом не отказывается от собственной самобытности и собственного цивилизационного выбора. Никто из них не будет отрекаться от себя, но каждый обогатит свой опыт тем, что есть положительного в другой цивилизации и, участвуя в многообразных структурах проекта, поможет выявить уникальность роли Леванта и России в мировом цивилизационном процессе. Все общее между ними будет воплощено в идеях, вкусах, нравах, во взаимодействии культур.

Идея создания дома призвана показать, сколь прекрасно словесное общение людей, сколько очарования в музыке, балете, живописи и ваянии, сколько пользы в заботе о культуре и здоровье тела, о полноценном досуге. И сколь восхитительно общение в религиозном и общемировом смыслах между представителями различных религиозных вероисповеданий, национальных общностей и культур.

Православно- Мусульманский диалог: препятствия и надежды

Принципы диалога

Диалог имеет свои корни, условия, сдерживающие мотивы и желательные последствия в отношениях между православным и исламским мирами. Попытаемся свести их к ряду следующих пунктов.

Во-первых, *прежде чем начать разумный диалог с кем-либо, необходимо провести его с самим собой.* При этом следует проанализировать как примирительные, так и отталкивающие стороны в своих делах и словах. Ведь диалог, опирающийся на логику разума и заряд чувства, начинается с методологического сравнения между сомнением и уверенностью, между одной идеей и другой, между одной линией поведения и иной. Все это вращается в кругу одного человека, одного мировоззрения, одной веры, одной культуры. А целью этого является не исполненный самолюбования монолог с самим собой, а стойкое стремление своего «я» расширить рационально-критический подход к самому себе, раздвинуть пространство мудрости, мира, любви в одном и том же круге и для распространения его в дальнейшем на другой или другие круги. Для

сокращения расстояния между мудростью разума и теплотой сердца человеку необходимо познать самого себя. Так нас учил великий философ Сократ. Глубокое рационалистическое познание себя, исполненное упоительной духовностью веры и общечеловеческими ценностями, — это ключ к вступлению в процесс гармоничного общения между человеком как индивидуумом и его собратьями из числа других людей, а также между ними всеми и их природным космическим окружением.

Во-вторых, в диалоге необходимо *наличие партнера*. Причем партнера открытого, поскольку только в открытом диалоге происходит духовное движение сторон на встречу друг другу, перерастающее в обоюдное желание к большему сближению и взаимодействию. Именно через диалог устанавливается взаимное партнерство между его говорящими участниками, при котором каждая из сторон доносит до другой свои идеи, свои опыты, свои тексты, свои реалии. Искусство диалога — это способность выявлять подлинную точку зрения и поведенческие мотивы другой стороны. Наши мысли и истины как православных и мусульман могут быть скорректированы и углублены через теплое общение, творческий контакт с идеями и истинами, которые несет с собой другой собеседник. Диалог в этом контексте представляется подлинным вхождением в процесс расширения пространств познания и освобождения от ошибочных мыслей и представлений о себе и о другом человеке. Кроме того, истина, как говорит один из крупнейших мудрецов Востока митрополит Жорж Ходр, «не может быть рождена замкнутым сердцем. Она появляется от двух идей,

налагающихся одна на другую». (1)

В-третьих, поскольку у каждого из нас есть сильные и слабые стороны применительно к различным вопросам жития и бытия, *любой диалог должен складываться на основе равенства точек силы и точек слабости в исламской и православной личностях по отношению к человеку как космической ценности, а также на основе равенства перед Создателем человека и Вселенной.*

В-четвертых, успешность диалога во многом определяется *полнейшим уважением другого участника диалога, восприятием его, слушанием его.* Диалог не строится на попытке убедить другого (вторую сторону) в правильности своих (первой стороны) слов, высказываний, текстов, опытов через отрицание и опровержение слов, высказываний, текстов и опытов этого другого (второй стороны). Наоборот, необходимо, чтобы подлинный диалог основывался на разъяснении, понимании, изучении и деликатном подходе. Социально-поведенческий принцип, обуславливающий наше отношение к собственному культурному «я» и взаимоотношение с культурным «я» другого, состоит в признании принципов объективности и относительности в оценке вклада каждого в строительство и созидание цивилизации. Именно эти принципы делают объективно необходимым создание таких условий, при которых отдельное или коллективное «я», относящееся к какой-либо цивилизации, не помышляло бы об исключении, удалении, уничтожении и попросту неуважении другого «я», а стремилось бы к добровольной связи и сближению с ним, к реальному сопереживанию ему, практическому содействию в разрешении его трудностей,

восторженному отношению к его историческим и современным достижениям и заслугам.

В-пятых, предполагается, что *собеседник обладает свободной волей*, ибо диалог требует от его участников самостоятельности и независимости во взглядах и суждениях, а также широких знаний и познаний, а не жесткой привязки к буквам текстов, слепого подчинения идеологическим стражам и капитуляции перед наносами исторической памяти, наполненными враждой и противостоянием. Прежде чем какой-либо человек вступит в диалог с другим, ему необходимо, выражаясь образно, очистить свой разум и всего себя, освобождаясь от своих комплексов, нетерпимости и нервозности, самовлюбленного замыкания в себе, подобно улитке вокруг своего религиозного и мирского «я». Диалог вовлекает в свои объятия людей, когда они входят в «храм» встречи, будучи настроены широким разумом, горячим сердцем и свободной волей. Такой настрой неизбежно ведет к лучшему узнаванию самого себя через сравнение с другим лицом (собеседником), как и к вкушению глубин культурных и духовных хранилищ, которые были произведены на свет творческими умами и чистыми сердцами православного и исламского миров.

В-шестых, диалог должен *охватывать все уровни, сферы, человеческие практики и опыты двух миров*, наиболее значительными из которых являются:

а) *диалог понятий о духовных и морально-нравственных ценностях*, целью которого является настойчивое стремление к пониманию религиозной, идейной, культурной и исторической речи

другого, а также содействие постоянному обновлению языка знания и углубление взаимопонимания и взаимоуважения сторон;

б) *диалог реалий жизни на этом Свете* через создание широкой сети экономических, общественных и культурных отношений, связей в научных сферах жизни, где имеет место сотрудничество и дополнение усилий сторон по обоюдному обеспечению их взаимных интересов;

в) *диалог в разрезе спора и диспута* — демократическое обсуждение с целью активизации конструктивного, рационально-критического духа в отношении собственного «я» и другой стороны;

г) *диалог опытов*, понимаемый как препарирование позитивных и негативных опытов с позиции социологических подходов в целях конструктивно-созидательного развития и непрерывного раскрытия потенциалов для ощущения и познания реальности и бытия. При этом жизненная необходимость предполагает гарантированное признание исторических корней конфликтов и ошибок, что является чрезвычайно важным шагом на пути залечивания исторических ран и закладки фундамента уверенности в настоящем и будущем.

В-седьмых, *диалектика подверженности воздействию и оказания воздействия в прошлом, настоящем и будущем.* Несмотря на то, что характерной чертой бытия является борьба между сильнейшим и слабейшим (это та черта, на которую предпочитают делать упор последователи дарвинистской социальной философии и глашатаи извечной борьбы между цивилизациями и религиями), мыслящие личности православного и исламского миров должны

проставлять акцент на другой линии взаимоотношений между религиями и цивилизациями, а именно линии позитивного, конструктивного взаимодействия. Необходимо подчеркивать, что диалектика жизни построена в свою очередь на позитивном взаимоотношении собственного «я» с другим таким же «я», то есть на воздействии со стороны кого-то и оказании воздействия на кого-то. Всякое позитивное взаимоотношение и взаимодействие не может не вести к созданию новой и более богатой структуры или конструкции, в рамках которой еще более раздвигается поле для позитивных, прекрасных, человеческих и духовных проявлений. Опыты позитивного взаимодействия между цивилизациями на уровне зодчества и живописи, всех других искусств, обмен опытом управления экономикой и обществом, а также взаимодействие на уровне смешанных браков и просто дружбы и товарищества является лучшим свидетельством того, что процесс позитивного взаимодействия в истории можно повторять во все более широком масштабе в настоящем, изобретая еще более успешные пути и методы для построения совместного будущего.

Таковы семь принципов, создающих благополучную картину, которая на первый взгляд представляется даже идеальной и труднореализуемой, поскольку перед диалогом существуют сдерживающие препятствия и условия как внутри самих двух миров, так и в их взаимоотношениях. Такое, в известной степени справедливое утверждение, нуждается в детальном пояснении, поскольку связи между православным и исламским мирами отражают наличие и целого ряда общих знаменателей, а также надежд и

пожеланий обеих сторон по внедрению и распространению подобной культуры диалога.

Препятствия для диалога

У каждого из миров существует свой язык или языки, своя религия, образ мышления и поведения. Этим он отличается (более того различается) от другого. Но это — вполне естественное явление, уходящее корнями в самую естественную человеческую структуру. Оно как часть многообразия, являющегося источником богатства, красоты, а вместе с тем и взаимодополнения и интеграции населения православного и исламского миров, как и жителей нашей планеты в целом.

Как отмечает исламо-христианская исследовательская группа по проблемам Арабского мира, «Аллах создал нас разными и повелел сотрудничать и вести диалог, чтобы мы вместе осваивали и обустроивали этот мир в справедливости и мире» (2).

И хотя отличие создает **естественное сдерживающее препятствие** для того, чтобы одна из сторон отождествляла себя с другой, тем не менее, оно же делает неизбежным для сторон вступление в диалог, который в свою очередь становится жизненно важным морально-нравственным и религиозным долгом. При этом диалог, поскольку он ведется между различными людьми, превращается сам по себе в увлекательное приключение, то есть осуществляется между разными по своим этническим и культурным чертам и характеристикам людьми. В то же время диалог подпадает под действие определенных условий, которые могут налагать

ограничения на свободу, справедливость и мир в отношениях между православным и исламским мирами.

Второе сдерживающее препятствие, которое с моей точки зрения является основным, кроется не в явлении отличия, а, прежде всего, сводится к двум главным проблемам. Первая из них заключается в отсутствии антропологического взгляда на человека. Вторая — в отсутствии рационально-разумного личностного взгляда.

Человек, с позиции антропологического подхода, являет собой некую конструкцию, состоящую из одинаковых биологических, психических, умственных и даже духовных компонентов. Многообразие и различия предстают в этом случае лишь как проявления одного и того же человеческого существа. Если захотеть при желании подвергнуть религиозно-культурное сознание антропологическому анализу, то нас перестанет одолевать догадка о местонахождении истины или возможной ошибки при выборе альтернатив, а будет интересовать лишь то, что продуцируется жизненно-культурным поведением индивидуума в смысле позитивной или негативной энергии. Антропологический подход к религиям, например, способен создать более широкое поле для объективности, чем любой другой подход, носящий ограниченный характер. Антропологический подход помогает понять единый человеческий дух, скрывающийся за специфическими особенностями той или иной конкретной религии, народа или культуры. В отсутствии же рационально-разумного критического личностного взгляда человек будет пленником истории, исповедуемого им Священного текста, своего религиозного и мирского языка, что сделает по сути

неотвратимым для него повторение его же прежних ошибок, пережевывание иллюзорных представлений и фантазий, углубление и усугубление его самовлюбленного (нарцисстического) видения своей собственной личности и своей цивилизации.

Отсутствие этих двух взглядов можно отчетливо отметить не только у простолюдинов в общей массе верующих в исламском и православном мирах. Оно сильно проявляется в подходах религиозной и культурной элиты, которая ведет за собой общественное мнение и вырабатывает общественное сознание и вкусы у народов. Именно в этом кроется наибольшая опасность, поскольку из-за этого отсутствия формируется самое значимое препятствие для всестороннего объективного научного видения человека, религии и культуры.

Третье сдерживающее препятствие, также значительное, связано с тяжестью давления исторической памяти на обе стороны диалога. Расхождения между православными и мусульманами имеют корни, уходящие к отличию священных текстов и обрядовых ритуалов. Они связаны также с противоборством, которое велось между ними на протяжении многих веков за районы и сферы влияния и приводило к столкновениям, раздорам и многочисленным войнам.

Можно при желании бегло пояснить на примерах, как складывалась историческая связь между православным и исламским мирами. На первом этапе кровавые стычки происходили между мусульманами и византийцами. При этом над ними довлело ограниченное знание, игнорирование и пренебрежение к верованиям другой стороны, доходившие порой в их эмоциональных проявлениях

до издевательств и насмешек друг над другом. Со временем состояние взаимного отрицания и негативизма сменилось на проповедничество, а затем в ряде регионов переросло в состояние позитивного диалога. При этом переход от одного состояния к другому не происходил одними и теми же темпами в двух мирах. Некоторые ситуации напоминают нам о прошлых взрывоопасных точках в отношениях, например, между турками и византийцами, которые дали о себе знать вновь и проявились за последние пятьдесят лет на Кипре, в Нагорном Карабахе, Чечне, Югославии, Албании и в отдельных районах Северного Кавказа. Но есть и примеры успешного мирного сосуществования и добрососедства между православными и мусульманами, которые можно широко встретить в западной части Арабского Востока, в бассейне Волги, в некоторых областях южного Кавказа, в центральной части России. Есть примеры, когда все складывалось, как говорится, «и так, и эдак», причем в разном процентном соотношении, как, например, в Болгарии, Румынии, Греции, Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и некоторых регионах России.

В горячих районах, где уже запылало пламя, мы наблюдаем проявления фанатизма, фундаментализма и, наконец, террора, как самой крайней степени враждебности. И, наоборот, в районах мирного существования активно действуют движения в пользу конструктивного диалога между различными религиозными общинами. В тех же местностях, где происходит «и так, и сяк», на поверхности позиций и событий проступают тревожное ожидание и настороженность. Эти регионы и их проблемы известны всем, но в

настоящем исследовании не ставится задача углубиться в показ и мотивацию причинно-следственных связей в каждом конкретном случае, ибо для этого требуется создание рабочей группы из числа крупных специалистов-исследователей в области истории, социокультуры, теологии, права, политики, которая могла бы всецело сосредоточиться на выработке новой научно обоснованной стратегии, направленной на постепенное разрушение отрицательного наследия истории, а также на слом разделительных стен между двумя культурами. В том же ключе для достижения желанной цели важно сосредоточиться на выработке необходимой стратегии знания по решению следующих четырех задач:

а) тщательное изучение остаточного наследия исторической памяти и установление его нынешней силы,

б) применение сравнительной методологии под углом зрения объективной антропологии,

в) исследование движения взаимного притяжения между религиозным и историческим языками и мышлением, которое передается на этих двух языках,

г) выявление причин возникновения напряженных ситуаций между тем, что подсказывает скромный научный разум, и тем, что продуцируется социальным воображением из числа постоянных фантазий и страхов. Знание и культура, как говорит мыслитель Мухаммед Аркун, становятся богаче и шире, когда существуют и применяются точные критерии для достижения справедливости, правды, добра, красоты, с тем чтобы эти справедливость, правда, добро и красота были бы не только для отдельно взятого клана,

племени, группы, общины, нации, а и для всего человечества.» (3)

Четвертое сдерживающее препятствие, которое не позволяет широко открывать врата диалога, связано с незнанием текстов и душ. Как говорит немецкий философ Поль Гольбах, «незнание — отец грехов». Ведь существует масса пунктов расхождения между православным и мусульманским мирами, источником которых были не внешнее давление или попытки завоевания и захвата добычи, рядившиеся в одежды религии, а элементарное отсутствие культуры знания существа исламских и христианских текстов Священных Писаний, в которых в изобилии присутствует дух любви, мира, чистого поклонения Господу Миров. Кроме того, одним из источников таких расхождений были незнание блистательных творческих сторон учений и дел великих суфиев и пацифистов-подвижников, которые рассматривали человека как многогранную духовную ценность, созданную по образу и подобию Господа.

Остановимся немного на некоторых текстах и напомним, к примеру, ряд навечно значимых высказываний из Библии (Евангелия) и Корана.

Как рассказывал пророк Матфей, Иисус Христос говорил (часть 5-я, изречения 44-е и 45-е): «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».

(4)

А в священном Коране содержится изречение, схожее с этими

светлыми словами. В суре 49-й «Аль-Худжурат» («Покои»), в аяте 13-м, говорится: «О люди! Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами, сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга, ибо самый уважаемый Аллахом среди вас — наиболее благочестивый. Воистину, Аллах — знающий, сведущий». (5)

Упор на язык диалога и его высоконравственные стороны также изобилует в текстах этих священных книг. Напомним лишь некоторые из них для иллюстрации. Так, в Первом Соборном послании святого Апостола Петра христианам (часть 3-я, изречение 15-е) он говорит: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». (6)

А в священном Коране в суре 16-й «Ан-Нахль» («Пчелы»), в аяте 125-м, приводится такое великолепное изречение: «Призывай, на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор средствами наилучшими». (7)

В свою очередь святой Апостол Павел в послании к Колоссянам (часть четвертая, изречение 6-е) останавливается на жизненно важном вопросе о духе диалога и говорит: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому». (8)

А в священном Коране в суре 3-й «Аль Имран» («Семейство Имрана»), в аяте 64-м, говорится «О люди Писания, обратитесь вы к слову равенства, между Нами и Вами». (9)

Ссылки на изречения в обоих священных текстах можно продолжать и продолжать, но, вместе с тем, там же можно найти и

массу положений, способных порождать разногласия. Здесь все дело в разнице между одним читателем и другим, подобно тому, как эта разница существует между благочестивым верующим и невеждой крайнего толка. Благочестивый верующий превращает силу веры в дух любви, что несет в себе священный текст, в энергию диалога, встречного движения, сотрудничества и партнерства. А религиозный фанатик обращает слабые силы своей веры и глухую окаменелость своего сердца к ценностям любви, которыми изобилуют оба священных текста, в энергию ненависти и агрессивности. Последователи той или иной религии, которые искусственно порождают словесные и физические конфликты и столкновения, разжигают войны, проливают кровь, прибегают ко всевозможным видам террора, это как раз те люди, которые делают упор на острых моментах расхождений в каждом из религиозных текстов по отношению к другому. В то же время люди, стремящиеся расширить общие знаменатели и поля совместной деятельности среди последователей и верующих различных религий, искренне стремятся подчеркнуть чистоту небесной миссии религий, которые опираются в своих основах на любовь, справедливость, внутренний мир и стремление к другой жизни не только для братьев по религии и членов той же общины, но и для сыновей всего человечества.

Пятое сдерживающее препятствие заключается в жесточайшей борьбе между светским и религиозным подходами к вопросам бытия и мира. Отсутствие взаимного признания границ знания и разумных, материальных и духовных возможностей каждой из сторон делает поля напряжения постоянно присутствующими в

отношениях между ними. Религиозная идея, которая связывает судьбы человечества с желанием и волей Его Создателя и пытается установить дистанцию между Создателем и Его созданием для того, чтобы избавить Господнее сияние от временных отклонений и постоянно случающихся драматических трансформаций в истории, является, безусловно, позитивной.

Вместе с тем, данная религиозная идеология, связанная с тем или иным течением (или ветвью) в религии или религиозной общиной, не может дать нам всеобъемлющей комплексной картины человеческой судьбы, поскольку остается заложницей узкой трактовки, связанной с этим учением или направлением, что ставит эту идеологию в сильнейшую зависимость от обрядовой стороны и делает ее крайне опасливой по отношению к открытому позитивному контакту с другой идеологией. В то же время мы видим, напротив, что светская идеология связывает людскую судьбу и диалог цивилизаций с общим течением истории человечества, то есть с диалектикой постоянно изменяющегося исторического движения, которое сопровождается перманентной эволюцией всех типов общественного сознания у людей. Светская мысль в этом смысле ограничивает свое поле проявлениями судьбы и делами этого Света. Только поэтому эта мысль не стремится привязывать все разновидности и формы человеческого сознания к возвышающимся над историей и над людьми текстовым источникам, или в религиозном смысле — священным основополагающим постулатам, ниспосланным Всевышним. Отсюда светская мысль ставит себя вне идеи спасения, награды и кары божьей, которая составляет одну из фундаментальных

основ христианского и мусульманского текстов священных писаний.

В этом смысле любая идея, будь она религиозной или светской, является освобождающей саму себя от определенных оков и ограничивающей себя в то же время определенными предостережениями. Это не только создает значительное познавательное препятствие в процессе всестороннего человеческого диалога между православным и исламским мирами в целом, но и вызывает серьезную трещину внутри культурного и идейного здания одной цивилизации и одного народа, а также между последователями одной религии среди верующих и идейного направления среди светских людей.

В подобной ситуации представляется, что религиозная мысль словно оторвала свой рассудок от динамики созидательной взаимосвязи, сопряженной с изменениями в сфере знаний, наук, культурных и нравственно-этических систем. В то время как светская мысль замыкается внутри короткого материалистическо-реального измерения жизни человека, без дополнения его духовным измерением, которое с такой силой присутствует в религиозной мысли, открывая широкий простор ожидания и вечной жизни для человека.

До тех пор, пока мудрые умы носителей этих двух идей не разрушат пропасть между историческим и метаисторическим, между материальным и духовным, между временным и вечным, трещина будет оставаться внутри каждой цивилизации, негативно отражаясь на всех ее уровнях. Взаимопроникновение между научным разумом и религиозным разумом объективно необходимо в обоих мирах. Более

того, оно необходимо не только для широкого распространения разума, но и для постоянного гармоничного соединения земного с небесным, **Шестое сдерживающее препятствие** состоит в смешении исторического измерения религии с обрядовым измерением, а также в искусственном взаимопроникновении политического и религиозного компонентов. Все это лежит камнем преткновения на пути реализации возможностей взаимопознания и позитивного контакта не только между двумя мирами, но и между представителями одного народа, принадлежащими к разным религиям или религиозным течениям. Некоторые смешивают, например, понятия религиозного знания и откровения, ниспосылаемого свыше. Знание — это, говоря по-простому, человеческое прочтение откровения. И если источником религии является Аллах (Бог), то источником культурного или религиозного знания являются люди. Культура, построенная на глубоком знании религиозных и научных текстов, открывает перед индивидуумом перспективу диалога. А с помощью творческого, продуктивного диалога, базирующегося на широкой религиозной культуре, открываются двери в каждое религиозное «легкое», дабы оно могло ощутить и вобрать в себя иную точку зрения и добавить новые блистательные вехи на пути постижения религиозной истины, которая представляет собой интегральное целое, в котором участвуют все стороны в плане пополнения вероисповедального представления о божественной истине.

То же, что мы наблюдаем в исламском и православном мирах в виде возведения разделительных стен между ними, не имеет в качестве первоисточника или первопричины религиозное знание или

вопросы культуры, науки и бытия современной цивилизации. Оно никоим образом не было почерпнуто также из ниспосланного религиозного священного текста и не было инициировано прочитавшими этот текст великими мудрецами. Эти явления, к сожалению, по-прежнему обуславливаются прагматической необходимостью в числе прочих необходимостей, которые встают перед религиозными властями, желающими с силой уцепиться за свою паству.

Из-за поведения властей, которые, держа в своих руках судьбы религиозных учреждений, толкают их некоторых деятелей на то, чтобы они погрязали в политических и материальных соблазнах, а также в иных пороках земной жизни, эти деятели отдаляются от духовно-нравственной миссии религии. Именно это подвергает некоторые знаковые фигуры в православном и исламском мирах многим горьким испытаниям, после которых благочестиво и богобоязненно настроенные верующие и просто добропорядочные светские люди начинают сомневаться в искренности этих религиозных деятелей, поскольку простым людям начинает казаться, что те деятели попросту формируют под себя органы властного влияния подобно светским властям, которые ставят на первое место среди своих приоритетов деньги, кресло, силу психологического и жизненного воздействия на людей.

Седьмое сдерживающее препятствие, существующее в исламском и православном мирах, заключается в их недостаточной, усеченной культуре демократии. Отсутствие демократической культуры и демократической практики в этих мирах делает

большинство систем власти в них близкими к авторитарным моделям. При этом многие сторонники таких режимов, не сумев утвердить свою власть посредством опоры на демократический порядок, прибегают к использованию религиозного и политического багажа, унаследованного от прошлого. Для оправдания, более того, увековечивания своего присутствия и своей политики представители власти в рамках таких систем проводят политику «модернизации» через определенный религиозно-идеологический посыл, апеллируя к народной аудитории в попытке «примирить», с одной стороны, погоню с высунутым языком за материальными ценностями цивилизации и технологическими новшествами и новациями, с другой стороны, возвращение к наследию далеких предшественников.

Реанимация этого наследия направлена «по-исламски» для одних на возврат к помыслам о создании религиозного государства, почерпнутого из опыта государства Медины, а «по-православному» для других — на возвращение к таким старым идеям в русской цивилизации и культуре, как восстановление государства Святой Руси или миссия Третьего Рима в распространенной трактовке многих русских литераторов. Все эти идеи не принимают во внимание ни языка современности, ни многообразия религиозно-культурной структуры цивилизационной ткани исламского и православного миров. Как следствие, эти положения неизбежно вступают в противоречие с идеей творческого диалога между людьми, стремящимися ко взаимосвязи и интегральному действию.

Общие знаменатели

Несмотря на наличие этих сдерживающих мотивов, существует целый ряд общих знаменателей между православным и исламским мирами, которые формируют схожие для них моменты в различных областях. Оба мира живут вечной мечтой о приближении к Духу небесному и опасением за напрасную игру человека в его алчной погоне за материальными соблазнами в жизни на этом Свете. Здесь мне приходят на память высказывания двух мудрейших людей православного и исламского миров. Первый — русский православный мыслитель Александр Панарин, который посвятил силу своего могучего интеллекта и мышления до физического ухода с этого Света написанию духовно-научной книги под названием: «Православная цивилизация в глобальном мире». В одной из глав этого труда он писал: «В православном космосе творчества в социальной среде, в замкнутом «тексте» социума нет. Оно возникает только на полюсах, питаясь энергетикой вне- или надсоциального плана. Свободное творчество, а в сущности, и вся жизнь человека движется между этими двумя полюсами, между глубиной и высотой, между глубиной природной стихии и высотой Божественного духа».(10)

А исламский мыслитель Мансур аль-Муаддиль в своем важнейшем труде, озаглавленном «Исламская культура и политика», отмечает: «Напряжение в исламской мысли лежит между идеальным и фактическим, духовным и временным, добродетелью и силой, разумом Аллаха и поведением людей». (11)

У православного и исламского миров наряду с этими

философско-религиозными мечтаниями, представлениями и положениями существует множество общих знаменателей, наличие которых делает возможность диалога и встречного движения вполне достижимой перспективой. Назовем некоторые из этих общих знаменателей:

1. Как православие, так и ислам принадлежат к духу Востока.
2. И православный, и исламский миры обладают наследием веры, опирающимся на непререкаемый принцип веры в единого и единственного Бога. Кроме того, жизненная культура обоих миров ставит духовные ценности над материальными в плане приоритетов.
3. И православный, и исламский миры жили и продолжают жить вдали от использования новейших и суперсовременных достижений.
4. И православный, и исламский миры объединяют самые широкие слои людей, измученных и лишенных материальных, моральных и информационных благ на этой планете. Возможно, эти люди (и миры) находятся во главе списка тех, которые не пользуются себе во благо и наслаждение ценностями справедливости, суверенитета и достоинства.
5. И православный, и исламский миры стоят во главе списка пострадавших и продолжающих нести ущерб от опасностей культурной глобализации. Это происходит в силу того, что их народы обладают богатейшим культурным наследием, а темпы агрессивности, порождаемой отрицательными сторонами

американизированной глобализации, в отношении этих миров все более и более нарастают.

Пожелания

Имеются широчайшие поля — культурное, философское, религиозное, духовное, политическое и экономическое, на которых возможен разумно-рациональный диалог и достижение соглашения о выработке стратегии сотрудничества и партнерства между сторонами в самых различных сферах, на некоторых из которых хотелось бы указать в заключительной части данного исследования.

На философском, религиозном и духовном уровнях есть вопросы бытия, которые вполне могут совместно прорабатывать творческие силы православного и исламского миров открыто и основательно с учетом наличия глубочайшего культурного и религиозного достояния двух цивилизаций. К числу этих вопросов могут быть отнесены вопросы жизни и смерти, прощения и ответственности, боли и счастья, личного и коллективного избавления, мирской и вечной жизни и другие крупнейшие вопросы бытия, которые беспокоят сегодняшнего человека. Целью погружения в пучину этих вопросов и углубления диалогов вокруг них не является удовлетворение мыслительной прихоти и культурно-духовное обогащение тех, кто интересуется и занимается этим вопросами. Нет, их наивысшая значимость кроется в настойчивом стремлении к обогащению человеческих и духовных взаимоотношений между православным и исламским мирами.

Надежда и пожелание, реализация которых желательна со

стороны умственного и политического потенциалов, имеющихся у религиозных и светских учреждений православных и мусульман, состоят в настойчивом стремлении к тому, чтобы православный христианин создавал такой портрет ислама, на котором мусульманин смог бы увидеть свое подлинное изображение. И чтобы мусульманин, в свою очередь, представлял такой портрет православного христианина, на котором тот смог бы увидеть свое реальное изображение. Подобный позитивный настрой в обеих общинах по отношению друг к другу, вселяющий глубокую надежду, можно встретить в различных уголках того широкого пространства православного и исламского миров, в которых находятся вместе и сосуществуют группы верующих с обеих сторон.

Как исламский мир, так и православный со всем тем религиозным, этническим и культурным многообразием, которое охватывает их широкое пространство, представляют собой горячую лабораторию диалога и противоборства культур, религий, интересов и надежд. И эти два мира нуждаются в более тесном и прочном сближении между ними, поскольку именно этого настоятельно требует от их взаимоотношений логика интересов и выработка реалистичных и разумно-рациональных стратегий, полезных и выгодных для обеих сторон.

Здесь надо сказать, что успокаивает душу и укрепляет веру в именно сплоченность и сотрудничество ряда влиятельных и деятельных сил и личностей в обоих мирах во имя формирования реалистичной основы для всестороннего диалога между двумя цивилизациями. Несомненно, для этого необходимо создание

механизмов и институтов или центров по диалогу в одних и других государствах на уровне неправительственных организаций. В особенности, такие меры необходимы для тех мест, где сосуществуют православные и мусульманские конфессии, с тем, чтобы главной заботой их руководства, было привнесение жизненного и психологического успокоения в положение православных меньшинств среди мусульманского большинства и мусульманских меньшинств среди православного большинства населения того или иного региона.

Следует также указать на целый ряд важных инициатив и мероприятий, которые предприняли и осуществили многие министерства, общественные организации и видные деятели, представляющие обе цивилизации, на различных уровнях и в различных сферах. К сожалению, из-за фактора ограниченности во времени не представляется возможным остановиться на большинстве из них, но один из таких многообещающих шагов я все же упомяну. Речь идет о достойных благодарности усилиях российского дипломата, полномочного представителя Министерства иностранных дел Российской Федерации по вопросам сотрудничества России с Исламским миром доктора наук, посла Вениамина Попова и генерального секретаря Организации Исламская конференция турецкого профессора Акмалуддина Экмала Оглу. Эти два ответственных деятеля весьма энергично работают вместе со своими командами над реальным, более тесным сближением двух миров. (12)

Наиболее наглядные примеры в этом отношении дает Россия, где проживает самая многочисленная православная группа населения

в мире. Именно на основе позиции этой страны, координации ее действий с братскими православными церквями в исламской среде определяются и вырабатываются многие параметры путей сотрудничества и партнерства между двумя мирами — православным и мусульманским. В этом русле большую роль играют государственные учреждения и организации гражданского общества в Турции, Королевстве Саудовская Аравия, Египте, Ливане, Сирии, Греции и ряде других стран, где общий исламо-православный дух составляет неотъемлемую часть их культурной самобытности в плане воплощения многих из мечтаний и благих пожеланий относительно более тесного и теплого сближения двух цивилизаций в реальной действительности.

В завершение пожеланий выскажу одну из наиболее значимых задач, относительно которой следовало бы задаться вопросами правителям и подданным, верующим и людям светского толка в каждом из двух миров — православном и исламском, а именно:

- До какого рубежа мы будем работать вместе во имя реализации принципов социальной справедливости, расширения поля нравственности, солидарности с ущемленными в правах и страдающими в наших двух мирах и во всем мире?

- До какого рубежа наши общины, православная и мусульманская, будут содействовать укреплению общечеловеческого братства во имя упрочения уз любви, справедливости, мира между всеми теми, с кем мы вместе живем на этой планете?

Источники

1. Митрополит Жорж Ходр. Исламо-христианские отношения: прочтение настоящего и будущего. — Бейрут: Центр стратегических исследований, разработок и документации, 1994 г. — С. 209.
2. Ан-Нахар // от 15.09.2002 года. — С. 11.
3. Мухаммед Аркун. Окно на ислам. — Бейрут: «Атыя», 1996 г. — С. 232.
4. Библия. Новый завет. Евангелие от Матфея. Часть 5, изречения 44-45.
5. Коран. Сура 49 «Аль-Худжурат» («Покои»), аят 13.
6. Библия. Новый завет. Первое Соборное послание святого Апостола Петра христианам. Часть 3, изречение 15.
7. Коран. Сура 16 «Ан-Нахль» («Пчелы»), аят 125.
8. Библия. Новый завет. Послание апостола Павла к Колоссянам, Часть 4, изречение 6.
9. Коран. Сура 3 «Аль Имран» («Семейство Имрана»), аят 64.
10. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: «Алгоритм», 2003 г. — С. 147.
11. Мансур аль-Муаддиль. Исламская культура и политика. // «Иран и арабы», 2004г., № 9. — С. 46.
12. Попов В. Исламский мир и Россия — движение навстречу. // «Азия и Африка сегодня», 2005г., № 2. — С. 31-34.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Долгим может быть диалог о сущности русской культуры и роли православия в развитии диалога и взаимодействия России с другими цивилизациями, включая цивилизацию Арабского Леванта. И долгим может быть разговор об истоках российской тревоги за целостность страны и последствия натиска на устои ее жизни и духа.

Левантийские арабы, включая их православную ветвь, также задают себе много беспокоящих вопросов религиозного, философского и экзистенциального характера, связанных с регионом, миром и космосом.

За вопросом русского о будущем православия и вопросом левантийца о его собственной участи стоит одинаковое стремление оградить ареал своей жизни от опасности глобализма и бездуховности цивилизации потребления. Опасность грядущей опасности побуждает их соединить усилия, чтобы найти единый ответ, адекватные сделанному им вызову, будь его истоком внутренний омут или внешняя буря. Важнейшая миссия русского православия, возможно, и заключается в том, чтобы выявить те позитивные и гуманистические начала, которые помогли бы установить диалог и наладить взаимодействие со всем тем, что есть позитивного и гуманистического во всех других религиях и культурах. Перед всеми мыслящими умами стоит столь же важная задача - творить духовное, исполненное стремления к диалогу и взаимной терпимости рационалистическое знание, которое помогло бы создать альтернативу фанатизму и близорукости, интриганству и

агрессивности. В условиях, когда цивилизации и культуры стоят перед выбором – вести между собой борьбу или стремиться к диалогу, усилия просвещенных мыслителей могут перевесить чашу весов в пользу доброго сотрудничества, взаимодействия и согласия. Можно извлечь много уроков из опыта отношений между Россией и Левантом. Важно возродить то доброе, что было в этих отношениях, и избегать прежних ошибок. Таковы задачи, стоящие сегодня перед интеллектуальными элитами Леванта и России, носителями богатейшего духовно-культурного наследия.